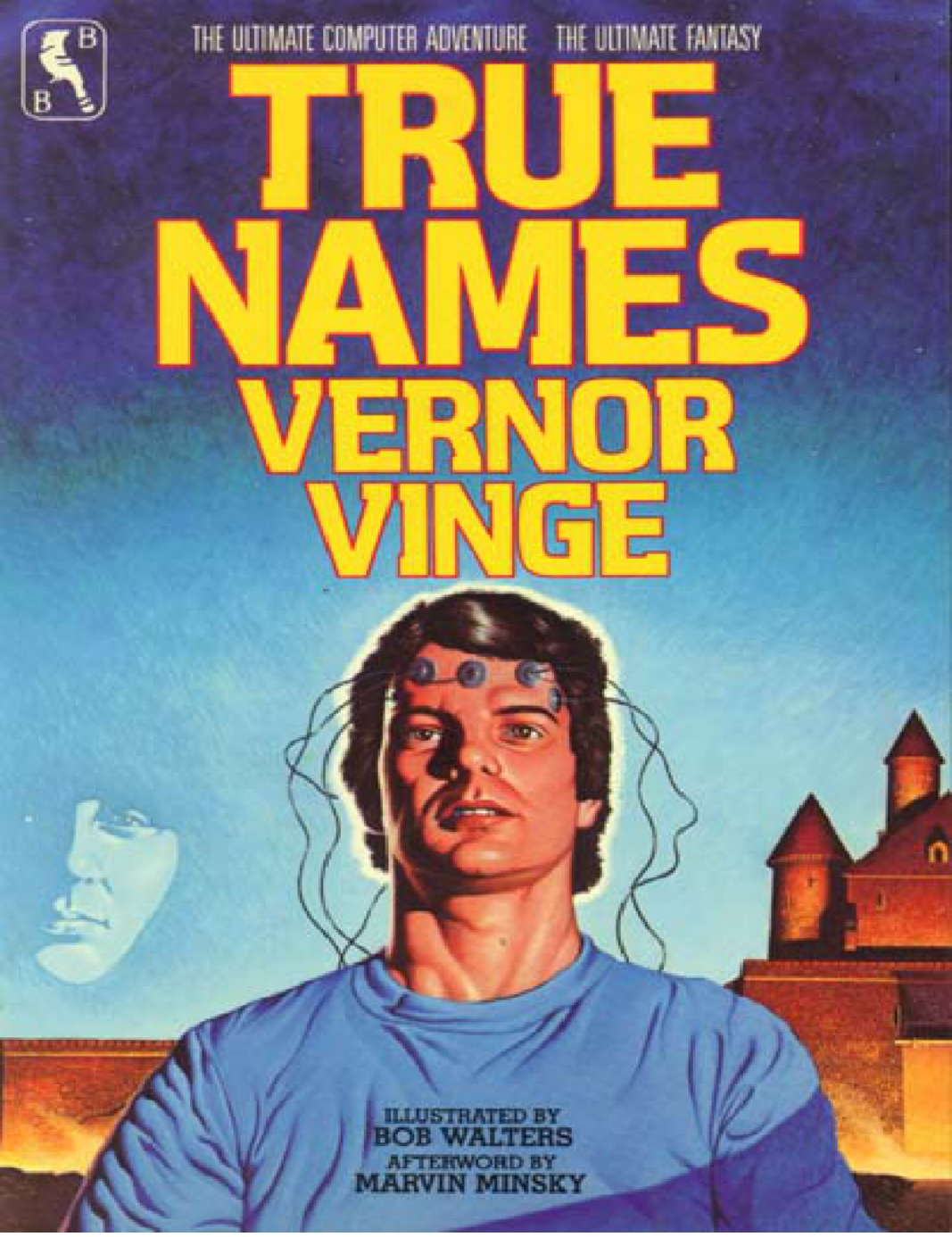
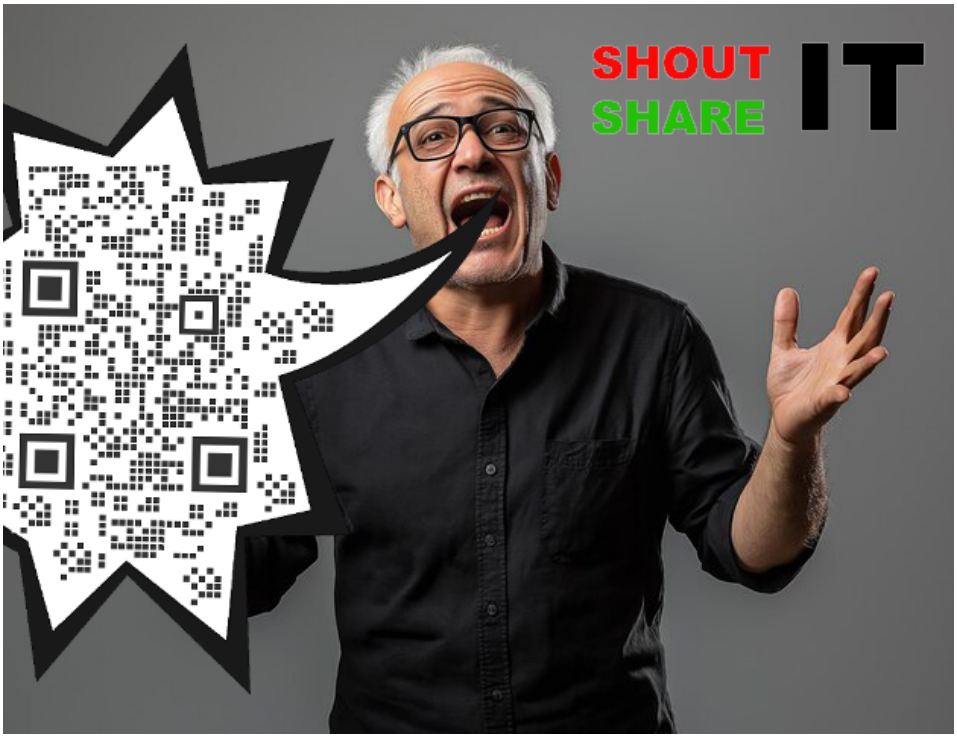

THE ULTIMATE COMPUTER ADVENTURE
THE ULTIMATE FANTASY
TRUE NAMES
VERNOR VINGE
ILLUSTRATED BY
BOB WALTERS
AFTERWORD BY
MARVIN MINSKY


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перевод по изданию 1984 года. Оригинальные иллюстрации сохранены.

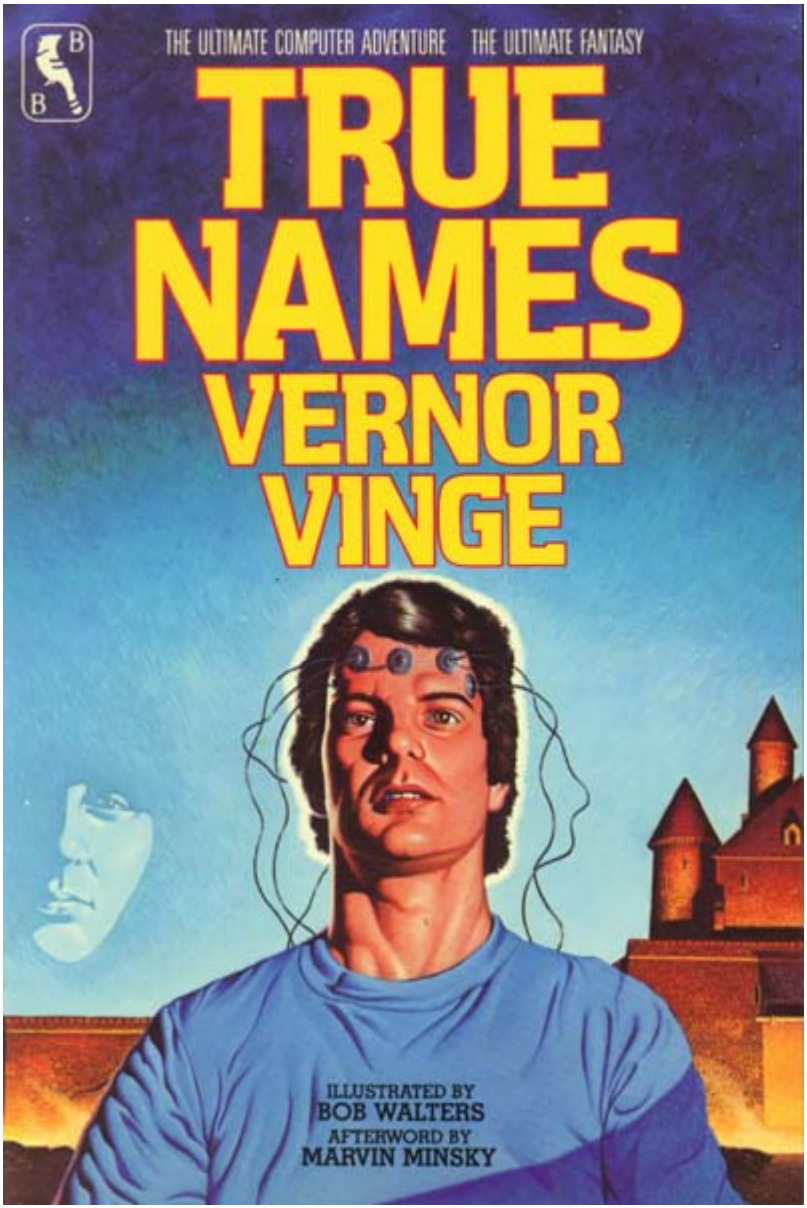
«Истинные имена» нельзя назвать дебютным произведением Вернора Винджа – к тому времени он уже опубликовал несколько рассказов, романы «Мир Тати Гримм» и «Умник» («The Witling») – но, безусловно, именно эта повесть принесла автору известность. Как и в последующих произведениях, Виндж строит текст на множестве блистательных идей; в «Истинных именах» он изображает киберпространство (за год до «Сожжения Хром» Гибсона), рассуждает о глубокой связи программирования и волшебства (за четыре года до «Козырей судьбы» Желязны), делает первые наброски идеи Технологической Сингулярности (за пять лет до своих «Затерянных в реальном времени») и не только.

Чтобы лучше понять контекст, вспомните, что «Истинные имена» вышли в сборнике «Dell Binary Star» #5 в 1981 году, когда IBM выпустила свой первый персональный компьютер IBM PC, ходовой моделью Apple была Apple III – ещё без знаменитого оконного интерфейса (первый компьютер с графическим интерфейсом, Xerox Star, появился в этом же 1981 году), пять мегабайт считались отличным размером жёсткого диска, а интернет ещё не пришёл на смену зоопарку разнородных сетей.

Повесть «Истинные имена» попала в шорт-лист премий «Хьюго» и «Небьюла» 1981 года, раздел Novella, однако приз не взяла («Небьюлу» в том году получила «Игра Сатурна» Пола Андерсона, а «Хьюгу» – «Потерянный дорсай» Гордона Диксона). В 2007 году «Истинные имена» были удостоены премии Prometheus Hall of Fame Award.

- Вернор Виндж
-
-
-
-
-
-
- Марвин Мински [9]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9


THE ULTIMATE COMPUTER ADVENTURE
THE ULTIMATE FANTASY
TRUE NAMES
VERNOR VINGE
ILLUSTRATED BY
BOB WALTERS
AFTERWORD BY
MARVIN MINSKY

Вернор Виндж
Истинные Имена

Все персонажи этой книги вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мёртвыми, случайно и непреднамеренно.

© 1981 by Vernor Vinge
Обложка и иллюстрации © 1984 by Robert Walters [8]
Послесловие © 1984 by Marvin Minsky [9]

Моей сестре, Патриции Виндж, с любовью.

В Первую Эру Волшебства всякий благоразумный чародей полагал своё Истинное Имя в равной степени и главной ценностью, и величайшей угрозой своему благополучию. Всякий знал, что стоило любому врагу, даже слабому и неопытному, узнать Истинное Имя волшебника, чтобы простым наговором поработить или уничтожить даже сильнейшего из сильных. Со временем, вступив в Эпоху Разума и Просвещения, пережив первую и вторую индустриальные революции, мы отбросили эти суеверия. Но теперь, похоже, колесо совершило полный оборот (даже если Первой Эры на самом деле и не было), и снова пришло время озаботиться истинными именами…

Мистер Скользки заподозрил, что его Истинное Имя раскрыли – и, значит, оно стало известно Великому Врагу – в тот самый миг, когда два чёрных «Линкольна» показались на грунтовке, тянувшейся через сырой сосновый лес от самой трассы 29.

Было пасмурно, моросил дождик. Роджер Поллак с самого утра копался в саду, убеждая себя пойти в дом и заняться, наконец, работой, за которую ему платили. Он выпрямился, когда незваные гости с визгом шин свернули на развилке. Полминуты спустя машины вырвались из векового леса и затормозили по обе стороны от «Хонды» Поллака. Четверо дюжих мужчин и мрачная женщина высыпали из дверей и зашагали прямо по кабачковой грядке, так равнодушно топча ростки, что Роджер сразу понял: это вовсе не светский визит.

Поллак заозирался – не сбежать ли в лес – но его окружили, схватили и затащили в дом. (Хорошо, что дверь была не заперта. Роджер подозревал, что они бы бы скорее выбили её, чем попросили у него ключи.) Его швырнули на стул. Двое самых могучих и неприветливых громил встали по бокам. На возмущённые вопли Поллака внимания никто не обращал. Женщина и старший мужчина влезли в его рабочие материалы.

– О, а вот этот я знаю! – воскликнула женщина, перелистывая голосцены на внутренней стене. – Смотри-ка, Эл, это же сценарий «1965»! [1]

Старший кивнул:

– Я же говорил – он сочинил столько хитовых игр, что хватило бы на троих авторов, а то и на целую студию. Роджер Поллак у нас вроде как гений.

«Это не игры, а романы, бестолочь!» – раздражённо подумал Роджер, а вслух заметил:

– А вы куда наглее большинства моих фанов.

– Большинство ваших фанов не знают, что вы преступник, мистер Поллак.

– Преступник? Я не преступник! И я знаю мои права! Вы, ФБР-овцы, должны назваться, дать мне один телефонный звонок и…

Женщина впервые улыбнулась. Улыбка вышла недоброй. Она выглядела лет на тридцать пять, с узким лицом и по-военному заплетенной косичкой – но улыбаться могла бы и теплее. По спине Поллака побежали мурашки.

– Мы бы так и поступили, если бы мы *были* из ФБР или если бы вы *не были* таким мерзавцем. Но это рейд Министерства соцобеспечения, Поллак, а вы подозреваетесь – мягко говоря – во вмешательстве в дела национальной и личной безопасности.

Она словно разыгрывала один из тех идиотских сценариев, над которыми он иногда работал по контрактам правительства. Только на этот раз это была не комедия. Мурашки расползлись до его лопаток. Морось за окном сменилась ливнем, который обрушился на леса Северной Калифорнии. Обычно такая погода ему нравилась, но теперь она только нагнала тоску. *Ещё, может, удастся выкрутиться, стоит попробовать…*

– Ну ладно. Значит, у вас есть лицензия на преследование невиновных. Но рано или поздно вы обнаружите, что я *действительно* невиновен, и тогда я вам покажу, что такое по-настоящему испорченная репутация!

«И слава богу, что я сохранил свои файлы прошлой ночью. Если повезёт, они не найдут ничего, кроме устаревших прогнозов фондового рынка».

– Не стройте из себя оскорблённую невинность, Поллак. Честному гражданину хватило бы простой панели вроде вон той, – она махнула рукой в сторону дата-панели сорок на пятьдесят в дальнем углу гостиной. Дальние потомки старинных электронно-лучевых мониторов, цветные, с разрешением двадцать линий на миллиметр, такие панели повсеместно использовались в государственных учреждениях и архаичных офисах. Устройство

Поллака покрывал толстый слой пыли.

Фемкоп стремительно прошла через гостиную к секретеру под панорамным окном. Бордовый костюм удачно подчёркивал её стройную угловатую фигуру.

– *Честному* гражданину хватило бы стандартного процессора и пары тысяч мегабайт быстрой памяти!

Интуитивно точно она выдернула центральный ящик – прямо под горшками с марихуаной – и открыла на всеобщее обозрение не менее пятисот кубических сантиметров аккуратно уложенной оптической памяти. Провода тянулись в соседний ящик, к процессорам соответствующей мощности. *И даже это не шло ни в какое сравнение с тем железом, которое он зарыл в подвале.*

Она унеслась на кухню и сию же минуту вернулась. Дом был типовым цельносборным бунгало, где всё под рукой и легко доступно. Поллак тратил деньги в основном на землю и свои… хобби.

– И кроме того, – торжествующе объявила она, – *честному* гражданину не нужно вот это! – Ей всё-таки попался на глаза портал Иного Мира.

Она помахала электродами перед лицом Поллака.

– Слушайте, что бы вы там ни хотели доказать, это всё совершенно легально! Эта штука не мощнее простого игрового интерфейса.

На это им нечего будет возразить, учитывая, что он всё-таки писатель.

Старший коп ответил почти извиняющимся тоном:

– Боюсь, что Вирджиния заигралась в кошки-мышки, мистер Поллак. Видите ли, мы знаем, что в Ином Мире вы – мистер Скользки.

– Ох…

Повисла неудобная тишина. Даже Вирджиния замолчала.

Именно этого Роджер Поллак и боялся больше всего. Они раскрыли Истинное Имя мистера Скользки, и оно было *Роджер Эндрю Поллак TIN/SSAN 0959-34-2861*, и никакие уловки, хитрое программирование или исходники ботов больше не защитят его от них.

– Как вы догадались?

Третий коп, технарь на вид, ответил:

– Ну, это было непросто. Мы ведь хотели заполучить кого-нибудь по-настоящему сильного, не заурядного вандала из тех, кого ваш Ковен зовёт младшими колдунами. – Юноша и вправду знал жаргон, но его-то мог набраться кто угодно, просто глядя ежедневные новости. – Последние три месяца МС пыталось идентифицировать кого-нибудь вашего калибра – вроде вас,

Робин Гуда, Эритрины или Липко Лаймо. Безо всякого успеха, должен признать, пока мы не догадались перевернуть задачу и проследить за художниками и писателями. Мы подозревали, что хотя бы некоторых из них могут привлекать вандалистские действия. И им хватило бы таланта, чтобы в этом преуспеть. Ваши романы соучастия – лучшие в мире! – В его голосе прозвучало искреннее восхищение. *Где только не встретишь поклонников.* – Так что вы оказались первым подозреваемым. Доказательства были только вопросом времени.

Он всегда этого опасался. Преуспевающий чародей не должен позволять себе быть успешным в реальном мире. Он пожадничал – слишком уж он любил оба царства.

Старший коп подхватил почти что уважительный тон технаря:

– Так или иначе, мистер Поллак, я полагаю, вы понимаете, что если уж федеральное правительство пожелает сконцентрировать все свои ресурсы на поимке одного-единственного вандала, нам это вполне под силу. Вандалы сильны числом, а не личными возможностями.

Поллак постарался не ухмыльнуться. Это убеждение – или суеверие – было популярно в правительстве. Он стащил и просмотрел достаточно секретных докладов, чтобы понять, что феды действительно верили в эту чушь.

Некоторые, вроде Эритрины, были куда умнее него. Сам он мог уделять сообществу всего пятнадцать-двадцать часов в неделю. А некоторые, должно быть, сидели на пособии, настолько безвылазно они торчали на Ином Плане. Копы застукали его просто потому, что он был сравнительно лёгкой добычей.

– Ну и что вы мне уготовили, кроме тюрьмы?

– Мистер Поллак, вы когда-нибудь слышали о Почтаре?

– Вы имеете в виду – на Ином Плане?

– Совершенно верно. В… э… реальном мире он пока ещё ничего не натворил.

Врать не было смысла. Они должны знать, что никто из сообщества или ковена ни за что не раскроет другому своё Истинное Имя. Так что он никак не мог предать других… *он надеялся, что не мог*.

– Ага. Он самый чокнутый из верботов.

– Верботов?

– Вер-ботов. Вроде вервольфов, понимаете? Они не ограничиваются образами ковена. Им хочется чего-нибудь нового, вроде сказок о том, будто они люди, которые могут оборачиваться машинами. Как по мне, это скука смертная. Почтарь, например, никогда не общается в реальном времени. Если вам что-нибудь от него нужно, каждого ответа приходится ждать день-другой – в

точности как старинную бумажную почту.

– Ай да парень. Ну и как он вам?

– Да мы знакомы с ним уже пару лет, но он такой тормозной, что до сих пор мы считали его просто дурачком с примитивной дата-панелью. Но недавно он провернул несколько по-настоящему… – Поллак осёкся, вспомнив, с кем болтает.

– …по-настоящему рулезных фокусов, а, Поллак? – фемкоп Вирджиния присоединилась к беседе. Она подкатилась на кресле так близко, что их колени едва не соприкоснулись, и ткнула пальцем в его грудь. – Вы даже не догадываетесь, насколько рулезных. Вы, вандалы, создали уйму проблем социальному обеспечению. Из-за одного только Робин Гуда Налоговая служба потеряла три процента годового дохода. Вы и ваши дружки хуже любого внешнего врага! Но до Почтаря вам ещё расти и расти.

Поллак отшатнулся. Должно быть, лучшие шуточки Почтаря прошли мимо него.

– Вы не на шутку боитесь его, – заметил он.

Вирджиния побагровела в тон своего костюма. Не дав ей ответить, старший коп сказал:

– Да, мы боимся. С Робин Гудами и мистерами Скользки мы как-нибудь справимся. К счастью, большинство вандалов озабочены только личной выгодой или демонстрацией крутости. Они понимают, что стоит им перестараться с неприятностями, как их наверняка вычислят. Я думаю, что мы ежегодно упускаем десятки тысяч махинаций с налогами и пособием, которые удаются людишкам с простым оборудованием просто потому, что те воруют понемногу – скажем, в размере личного налога с прибыли – и не гонятся за дурной славой, как ваши, э… колдуны. Если бы не их мелочный индивидуализм, они бы стали опаснее ядерных террористов. Но Почтарь – другое дело: у него, похоже, идеологические мотивы. Он *чрезвычайно много* знает и может. Ему мало вандализма, он хочет править…

Феды не имели понятия, как давно это началось. Не менее года назад. Никто бы и не заметил, если бы не пара департаментов Федеральной комиссии по стандартам винтовой резьбы, которые хранили первичные копии на бумаге. Кто-то заметил несоответствие этих копий решениям, проведенным от имени ФК СВР. Инициировали расследование; нашли расхождения между компьютерными записями и твёрдыми копиями. Следствие продолжили. Только по счастливой случайности инспекторы обнаружили, что не только данные, но и сами модули принятия решений не совпадают с резервными копиями.

Правительство тридцать лет полагалось на централизованное

автоматическое планирование, постепенно заменяя юридические формулировки программными процедурами, которые работали непосредственно с реестрами, выделяя ресурсы, предлагая законопроекты, определяя военную стратегию…

Захват прошёл гладко и незаметно, и его масштабы, что хуже всего, были до сих пор не ясны. Никто даже не знал, каким группировкам в государстве (или за его пределами) принесли выгоду изменения в интерпретации федеральных законов и распределении ресурсов. Модули принятия решений можно было сверить с бумагами только в самых архаичных департаментах, и в тридцати процентах из них нашли следы вмешательства.

– …и эти проценты пугают нас больше всего, мистер Поллак. Крупному коллективу юристов и техников потребовались бы *месяцы* только на те правки, которые мы уже обнаружили.

– Как насчёт военных? – Поллак подумал об установках Перста Господня и тысячах ракет, нацеленных буквально на каждую страну Земли. Если бы мистер Скользки решил захватить мир, он бы начал именно с них. На черта ему баловаться с чеками пособия?

– Нет, там всё чисто. Собственно, именно попытка проникнуть… – старший коп бросил взгляд на Вирджинию, и Поллак понял, кто тут главный, – в Агентство национальной безопасности разоблачила взломщика, так мы и узнали, что это Почтарь. До тех пор он был анонимен, поскольку действует безо всякой рисовки, характерной для знаменитых вандалов. Но у военных и АНБ свои системы безопасности. Казалось бы, излишество, но на этот раз оно окупилось.

Поллак кивнул. Их сообщество всегда держалось подальше от военных, особенно от АНБ.

– Но если ему удалось так легко проскользнуть в Министерства труда и юстиции, то кто знает, не засыпался ли он на АНБ просто из-за случайного невезения… Думаю, я вас понял. Вам нужна помощь. Вы надеетесь уговорить кого-нибудь из членов Ковена атаковать эту угрозу изнутри.

– Мы не *надеемся*, – сказала Вирджиния. – Мы уверены. Забудем о тюрьме. Да, за кое-какие делишки мистера Скользки мы могли бы посадить вас навсегда… но лучше мы просто отзовём вашу лицензию оператора. Вы понимаете, что это значит.

Это не было вопросом, но Поллак знал ответ. Девяносто восемь процентов рабочих мест в современном обществе так или иначе использовали дата-панели. Без лицензии он всё равно что нетрудоспособен, а это означало пособие, комнатушку в застройках и считать цветочки на обоях до конца жизни.

Вирджиния почувствовала, что он сдался.

– По правде говоря, я не разделяю уверенности Рэя, что вы настолько хороши. Просто нам не удалось поймать кого-нибудь получше. Но АНБ считает, что мы сможем раскрыть реальную личность Почтаря, если внедрим агента в ваш ковен. Так что мы хотим, чтобы вы продолжали участвовать в шабашах – но теперь вашей целью будут не козни, а сбор информации о Почтаре. Можете привлекать любую помощь, какую только сумеете, не раскрывая, что работаете на нас. Можете даже пустить слух, что подозреваете Почтаря в сговоре с правительством (вы наверняка сами видите, что он подозрительно похож на федерального агента со штатной дата-панелью). И главное: вы остаётесь открыты для связи с нами и соглашаетесь на полное безоговорочное сотрудничество по любым вопросам. Вам всё ясно, мистер Поллак?

Он не мог поднять на неё взгляд. До сих пор ему не доводилось попадаться вымогателям. Быть использованным… словно вещь, а не человек.

– Ладно, – выдавил он наконец.

– Вот и хорошо, – она поднялась, остальные тоже. – Ведите себя примерно, и больше вы нас воочию не увидите.

Поллак тоже встал.

– Ну а потом, если вас… удовлетворит моя исполнительность?

Вирджиния улыбнулась, и он понял, что ответ ему не понравится.

– А потом мы вернёмся к рассмотрению *ваших* преступлений. Если вы преуспеете, я не откажу вам в стандартной дата-панели и даже, быть может, в кое-какой интерактивной графике. Но знайте: если бы не Почтарь, поимка мистера Скользки стала бы событием месяца. Я ни за что не позволю вам и дальше злоупотреблять Системой!

Через три минуты зловещие чёрные «Линкольны» уже катили прочь к лесу. Поллак стоял под дождём, глядя им вслед, пока звук моторов не стих. По плечам и спине почти неощутимо растекался мокрый холод. Он задрал голову навстречу дождю и задумался, нарочно ли феды выбрали именно такой день: военные спутники-шпионы, конечно, могли проследить за машинами и теперь, но гражданские, подконтрольные их сообществу, не пробились бы через эти тучи. Даже если кто-нибудь из сообщества и знал Истинное Имя мистера Скользки, им всё равно не догадаться о визите федов.

Поллак взглянул на свой сад. *Как всё может измениться за один-единственный час.*

Ближе к вечеру тучи разошлись. В солнечных лучах капли на деревьях засверкали миллионами бриллиантов. Поллак смотрел на них, пока солнце не скрылось за лесом, пока не осталась только золотая полоса за высокими соснами на востоке. Потом он уселся перед аппаратурой и приготовился вознестись на Иной План. Сегодня его ждало дело похитрее всех прежних. Он бы не отказался повременить с ним настолько, насколько позволят феды. Ему бы ещё хотя бы неделю на размышления и подготовку, но Вирджиния и её дружки явно столько не вытерпят.

Он подключил процессоры, откинулся в любимом кресле и приладил к черепу пять присосок с электродами портала. Долгие минуты ничего не происходило: вознесение требует известной доли самоотрицания или хотя бы самогипноза. Эксперты советовали лёгкие наркотики или сенсорную депривацию, чтобы обострить чувствительность к смутным сигналам портала. Поллак, намного превосходивший в опыте популярных экспертов, давно понял, что ему достаточно просто смотреть на деревья и слушать шум ветра в кронах.

Так же, как мечтатель отрывается от реальности и видит иные миры, восприятие Поллака поплыло, отделилось и представило карту коммуникационных сервисов Западного побережья в виде туманных зарослей. Он присмотрелся и проложил безопасный маршрут к транзитному порту. Как и большинство загородных абонентов, Поллак арендовал стандартные оптические линии: Белл, Боинг и Ниппон Электрик. Вкупе с локальными провайдерами Западного побережья они

открывали сколько угодно надёжных маршрутов к любому процессору-приёмнику на Земле.

За несколько минут он сменил три носителя и отыскал себе место для промежуточных вычислений. Спутники связи предоставляли процессорное время почти так же дёшево, как и наземные станции, так что автоматическая платёжная транзакция (через несколько подставных счетов, заведенных за последние годы) через несколько миллисекунд после запроса открыла ему исключительный доступ к большой области данных. Вся операция прошла на подсознательном уровне, как они и задумывали при составлении бесчисленных процедур за последние четыре года. Мистер Скользки (теперь он даже мысленно избегал называть другое имя) прибыл на окраины Иного Плана.

Он осмотрелся глазами погодного спутника, в низком разрешении увидел под собой Североамериканский континент – терминатор проходит по Западу, над большей частью равнин густая облачность. Никогда не скажешь заранее, какие случайные сведения могут пригодиться. Мистер Скользки мог бы узнать то же самое через автоматический подсознательный доступ, но он питал романтическую привязанность к полётам в космосе.

Он отдохнул секунду-другую, проверил работоспособность резервных каналов связи и целостность алгоритмов шифрования. (Как почти все, будь то честные граждане или колдуны, тут он не доверял государственным стандартам, предпочитая академические разработки, просочившиеся в мир за последние пятнадцать лет вопреки раздражённым протестам АНБ.) Защитившись таким образом от слежки, мистер Скользки направился собственно в Ковен.

Дорогу он отыскал быстро, но лёгкой она не была никогда: члены сообщества не жаловали бездарей и недоучек. Идущий должен был следить за сублиминальными указателями и располагать их в контексте образов, сочинённых сообществом. Верный путь выглядел как узкая цепочка камней, пересекающая серо-зелёное болото. Ледяной воздух дышал сыростью. Причудливые растения возвышались над радужной плёнкой воды, вода капала с них на раскинувшиеся повсюду кувшинки.

Подсознание знало, каким объектам соответствовали камни, и само перебрасывало поток исполнения из одной информационной сети в другую, но только активный разум опытного странника мог принимать решения, ведущие либо к вратам Ковена, либо к символической смерти и выбросу в реальный мир.

В основе лежала игра – дальний потомок старинной Adventure, в которую играли на разнообразных компьютерах уже

более сорока лет, [2] и близкий родственник популярных романов соучастия. Только с двумя важными отличиями. Эта игра шла всерьёз и на таком уровне сложности, с которым никому не справиться без устройств ввода-вывода электроэнцефалограмм, которые колдуны и популярные базы данных называли порталами.

О порталах говорили разное. Хватало вранья и заблуждений. Да, основные базы данных вроде «LA Times» или «CBS News» ясно давали понять, что ни в порталах, ни в Ином Плане нет ничего сверхъестественного, что магический жаргон – это всего лишь романтическая условность, в крайнем случае – суеверие. Но даже эти статьи часто упускали суть и либо страдали консервативностью, либо смаковали экзотику.

Казалось бы, чтобы передавать образы болота во всей полноте ощущений, нужен невероятно широкий канал. На деле всё было вовсе не так (а иначе бы феды легко проследили все действия колдунов и верботов). Обычное портальное соединение требовало около пятидесяти килобод – куда меньше, чем самый скромный плоский видеоканал. Мистер Скользки чувствовал, как в сапогах хлюпает вода, как даже в таком холоде на теле выступает пот, но всё это было только работой его собственного воображения и реакцией подсознания на сигналы-подсказки от электродов портала. Однако интерпретация не была произвольной, иначе бы он выпал в реальность и никогда бы не добрался до Ковена; важные подробности Иного Плана всегда и в точности соответствовали подсказкам.

В этом не было ничего нового. Даже посредственный писатель, если ему повезёт сочинить увлекательный сюжет и найти благодарного читателя, всего лишь несколькими предложениями может нарисовать подробную воображаемую картину. Только и разницы, что образы Иного Плана интерактивно отвечали на действия, в точности как реальные предметы. Для описания этого феномена магический жаргон подходил как нельзя лучше.

Расстояние между камнями увеличилось, теперь мистеру Скользки приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы не свалиться в зловонную жижу. К счастью, через сотню метров тропа выступила из воды, и он побрёл по щиколотку в грязи. Кусты и деревья обступили его, толстая паутина поблескивала между стволами и нависала над тропой.

Паук размером с кулак свалился с ветки и запрыгал перед ним на паутине, как йо-йо, сверкая красными полосами. «Берегись, берегись!» – пропищал он, растопырив сочащиеся ядом мандибулы, и забубнил: «Берегись, берегись, берегись…» –

раскачиваясь туда-сюда перед лицом мистера Скользки. Тот присмотрелся к узору на паучьем брюшке. Они развели тут немало разновидностей ядовитых пауков, и каждому следовало отвечать особым образом, если хочешь выжить. Наконец он подставил пауку тыльную сторону ладони. Тварь пробежала по руке, вскарабкалась по мокрому камзолу к открытой шее и тихонько зашептала ему на ухо.

Мистер Скользки выслушал сообщение, немедленно сграбастал паука и швырнул его налево, одновременно прыгая с тропинки в заросли справа. Тяжёлый шлепок обрушился на то место, где он только что был, но он уже улепётывал со всех ног вверх по внезапно возникшему склону.

На вершине холма он остановился. В полукилометре перед ним возвышался могучий замок, прибежище Ковена. И замок, и болото вокруг него заливал призрачный свет, исходивший не только от неба. Тропа здесь просматривалась куда лучше, чем на болоте, но спускался он всё так же осторожно: сторожевые духи, расставленные колдунами, отличались мерзким

запрограммированным характером и склонностью изобретать новые смертоносные штучки.

Склон закончился, и тропа перешла в каменистый извилистый подъём к окованным железом каменным воротам замка. Почва высохла, растительность поредела. Над головой захлопали кожистые крылья, но мистер Скользки знал, что наверх лучше не смотреть. В тридцати метрах от крепостного рва жара стала невыносимой. До него доносились плеск и шипение лавы, время от времени брызги перелетали через край и выжигали проплешины в той скудной траве, которая там ещё оставалась. Угольно-чёрная голова с парой пылающих глаз мелькнула во рву. Мгновением позже вся тварь выплеснулась кверху, осыпав пришельца искрами и брызгами лавы. Мистер Скользки едва успел заслониться рукой, смертельный ливень разделился надвое и пролился безвредными потоками по обе стороны. С показным спокойствием он наблюдал, как существо надвигается на него по древним каменным ступеням.

Алан – элементаль предпочитал это имя – близоруко прищурился, покачивая головой и всматриваясь в пришельца.

– Э, да не сам ли мистер Скользки почтил нас своим присутствием? – в конце концов воскликнул он и радушно улыбнулся пылающей пастью. Оттуда пахнуло обжигающим жаром, как из открытой муфельной печи. Он прижал когтистые

лапы к асбестовой футболке на груди, словно извиняясь за возможную ошибку. Лишённое магмы для отвода тепла, его непроницаемо-чёрное тело раскалялось всё ярче и ярче. Сейчас он напоминал ящера.

– Воистину он, и с гостинцами! – мистер Скользки подбросил кусок свинца. Элементаль поймал его на лету и зажмурился от тающего на языке удовольствия.

Они поболтали немного, обменялись заклинаниями и контрзаклятьями. Алана поставили здесь определять, являются ли посетители известными членами Ковена. Обычно он достигал цели проверкой умений (вроде душа из магмы, который достался мистеру Скользки) и вопросами о былых событиях в замке. Разумеется, Алан был симулятором личности. Мистер Скользки знал наверняка, что за этой беззубой пылающей ухмылкой никогда не крылся ни один живой оператор. Но этот был одним из лучших, состоял из многих сотен блоков на пси-лиспе и просто затмевал общедоступные программки-собеседники – те начинали повторяться уже через несколько часов разговора, не развивались и терялись от нелепых реплик. Алан был при Ковене ещё до вступления мистера Скользки, и никто не признавался в его авторстве (хотя подозревали Уайли Дж.). У него даже не было имени, пока Эритрина в этом году не подарила ему асбестовую футболку с Аланом Тьюрингом.

Беседа забавляла мистера Скользки, но он держался настороже. Умереть от лап Алана было бы больно, да и терять несохранённые воспоминания тоже не хотелось. Такая смерть постигла многих просителей у этих ворот, и не скоро они вернулись на этот план.

Удовлетворённый, Алан помахал шипастым кулаком сторожам на башне, и подъёмный мост – сплошные керамика и вольфрам – опустился перед гостем. Мистер Скользки поспешил войти, стараясь не обращать внимания на шипение и бурление под мостом. Алан, теперь сплошная любезность, обождал, пока тот скроется во внутреннем дворе, прежде чем обрушиться брюхом вперёд в свой лавовый бассейн.

Большинство завсегдатаев, за заметным исключением Эритрины, уже собрались. По ту сторону зала Робин Гуд, весь в зелёном и в облике Эррола Флинна, предавался крайне тесной беседе с необычайно милой дамой (впрочем, все они могли тут выглядеть необычайно милыми), которая колебалась между обличьями блондинки и брюнетки. У камина Уайли Дж. Бастард, Липко Лаймо и DON.MAC оживлённо дискутировали над грудой карт. А в тёмном углу, куда не долетали отблески огня из камина, одиноко приткнулся старинный терминал-телепринтер. Мистер

Скользки прошёл мимо, не глядя в его сторону.

– А, Скольз! – DON.MAC оторвался от карт и поманил его. – Ты только посмотри, чем тут занялся Лаймо.

– Хмм? – мистер Скользки кивнул остальным и склонился над верхним рулоном. Потрёпанный пергамент по краям, но сама карта – трёхмерная, полупогружённая в лист. Обычная схема банковской защиты и денежных потоков. В смысле, обычная для этого сообщества. Большинство банков не занимались столь искусным изображением автоматической защиты своих активов. (Если уж на то пошло, мистер Скользки подозревал, что большинство банков всё ещё с тоской вспоминают былые времена кредитных карт и Кобола.) Эти штуки придумал Робин Гуд, так что он не ожидал увидеть их у Лаймо.

– Ну и в чём соль?

– Эт' просто двойной шлём, Скольз! Только глянь сюда, эт' не обычная защита. Вроде как те парни, которых зовут мафией, захапали эту банковую сеть в приморских штатах. Не инач', они были с порталами, так всё ловко. До чёрта времени ушло, пока я допёр, что эт' они. Ха! Но теперь-то… только глянь, как они моют бабки, мотают прям' со счетов! Такие мудрилы, просто ложись, но Липко им не перемудрить, – он ткнул пальцем в карту, и одна извилистая линия в путанице мигнула красным. – Если свезёт, они просекут этот отвод не раньше будущей осени, а к тому времени мы их облегчим миллиарда на три, и без единого хвоста, куда всё уплыло!

Все закивали. На этом плане хватало ковенов и сообществ, но их – Ковен с большой буквы – самый известный, они проворачивали самые шумные делишки века. Большинство других мало чем отличались от простых клубов для болтовни. Но среди них попадались и старомодные криминальные организации, которые использовали этот план в своих чисто практичных и авантюрных целях. Колдуны походя издевались над ними, но только Липко Лаймо специализировался на этом.

– Блин, Скольз, ну и круто играют эти ребята, даже круче, чем Великий Враг! – То есть феды. – Если они только допрут, кто ты по правде, эт' будет верная Истинная Смерть! Я, может, и липкий, но я не псих. Я никак не всосу три миллиарда – да хоть и три миллиона – так, чтоб меня не засекли. Но я сработал, как тот Робин: кидаю деньги по трём миллионам всяких счетов тут и в Европе, а среди них – ха! – случайно попался и мой.

Мистер Скользки навострил уши:

– Говоришь, три миллиона счетов? И на каждом по внезапной скромной прибавке? Готов поспорить, Липко, этого мне хватит, чтобы узнать твоё Истинное Имя!

Лаймо отмахнулся:

– По правде, эт' маленько посложнее. Признайте, браты, из вас никто и близко ко мне не под'шёл, а вы знаете побольше всякой мафии.

Он был прав. Все они провели немало времени на этом плане, пытаясь вызнать Истинные Имена других. Это не было пустой забавой, поскольку знание Истинного Имени делало другого вашим рабом, как мистер Скользки уже прочувствовал на себе. Так что колдуны постоянно прощупывали друг друга, сочиняли огромные программы для просеивания личных досье из государственных реестров в поисках характерных манер и привычек. На первый взгляд, найти Лаймо было легче лёгкого, он весь был характернее некуда. Его архаичный британский акцент слишком часто сбивался на североамериканский. Изо всех колдунов он один не носил ни привлекательного, ни гротескного облика. Такое заурядное лицо могло даже быть его настоящим, и мистер Скользки провёл не один месяц над системой поиска этой внешности по публичным и секретным фотобанкам США и Европы. Разумеется, безуспешно, так что со временем все пришли к выводу, что Лаймо носит двойную или даже тройную маску.

Уайли Дж. Бастард усмехнулся:

– Довольно мило, Липко, и довольно безопасно, я согласен. Но что ты с этого поимеешь? Немножко самодовольства и немножко денег? А ведь мы, – он обвёл руками зал, – достойны куда большего! Сообща мы могли бы стать самыми влиятельными людьми в реальном мире. Верно, ДОН?

DON.MAC кивнул и самодовольно ухмыльнулся. Только его лицо и выглядело человеческим, способным выражать эмоции, и даже оно было серо-стальным. Тело он позаимствовал у стандартного всепогодного робота «Плесси-Мерседес».

Мистер Скользки понял, где он уже это слышал.

– Так ты теперь работаешь с Почтарём, Уайли? – он глянул на телепринтер.

– Ага.

– И даже не хочешь намекнуть, о чём идёт речь?

Уайли покачал головой:

– Пока вы не соберётесь присоединиться – нет. Но знайте: ДОН первым начал работать с Почтарём, и теперь он богаче Крёза.

DON.MAC снова кивнул, всё с той же глупой улыбкой.

– Хммм…

Разбогатеть было легко. В принципе, на последнем взломе Лаймо мог забрать и все три миллиарда гангстерских долларов. Вот разбогатеть так, чтобы не попасться и избежать возмездия –

трудно. Даже Робин Гуду это было не под силу, но, похоже, ДОН и Уайли считали, что Почтарь и не такое может. После разговора с Вирджинией он готов был в это поверить.

Мистер Скользки обернулся и уставился на телепринтер. Тот тихонько гудел и, как всегда, не испытывал недостатка в бумаге. Торчащий из каретки край рулона был аккуратно оборван и полностью чист, кроме стандартной звёздочки-приглашения. Другого способа побеседовать с этим загадочным членом сообщества не было: набери сообщение на клавиатуре – и через час или через неделю устройство затрясётся и застучит, и отпечатает ответ, иногда из нескольких тысяч слов. Поначалу им пренебрегали: идея была отличная, но задержки делали разговор чертовски нудным. Случалось, что целые метры посланий Почтаря устилали каменный пол, и никто их не читал. Но *теперь* новые ученики Почтаря жадно впитывали его драгоценные слова все до единого, тщательно подбирая распечатки, чтобы не оставлять улик.

– Эри!

Он повернулся к широкой каменной лестнице, ведущей из внутреннего двора. Эритрина, Красная Ведьма, спорхнула по ступеням. Мерцающее платье то скрывало, то обнажало её. Она отличалась чудесной фигурой и безупречным чувством вкуса, но славилась не этим. Эритрину было легко разговорить, а знала она куда больше, чем рассказывала. Некоторые из её приключений – не слишком афишируемых – сделали бы честь и Робин Гуду. Мистер Скользки знал её около года; на этом плане, пожалуй, не было личности ярче и интереснее. Рядом с ней ему хотелось, чтобы пропала нужда в секретах, чтобы стало можно обменяться Истинными Именами, как телефонными номерами. Кем она была на самом деле?

Эритрина кивнула Робин Гуду и направилась через зал к DON.MAC'у. Это он первым поприветствовал её, а теперь продолжал:

– Мы тут как раз пытаемся убедить Липко и Скольза, что они попусту тратят время на шутки, когда могли бы заполучить серьёзную власть и нешуточное богатство.

Она кольнула взглядом Уайли. Тот только скривился.

– «Мы» – это ты, Уайли и Почтарь?

Уайли кивнул:

– Я присоединился к ним на прошлой неделе, Эри, – он сказал это с таким видом, будто добавил: «И ты меня не остановишь».

– Может, в этом что-то и есть, ДОН. Все мы когда-то начинали зелёными новичками, которые только и могли, что немножко

побеспокоить этих бюрократов, хозяев Системы. Но теперь мы стали экспертами. Пожалуй, сейчас мы понимаем Систему лучше всех на Земле. Да, это означает власть.

Те двое говорили то же самое, но Эритрина высказалась гораздо убедительнее. До столкновения с федами он бы даже купился на это, хотя давно уже понял, что стоит хоть раз принять Ковен всерьёз и погнаться за реальной выгодой, как лёгкая забава превратится во всепоглощающую работу и вытянет всё время из тех проектов, которые наполняли его жизнь радостью.

Эритрина пытливо посмотрела на мистера Скользки и Лаймо. Лаймо был лёгок на подъём, но сейчас он обиделся – на его любимый проект наплевали.

– Ну его, – бросил он и принялся сворачивать свои карты.

Она перевела взгляд зелёных восточных глаз на мистера Скользки.

– А ты, Скольз? Пойдёшь с Почтарём?

Он заколебался. *Мне бы стоило.* Ясное дело, союзники Почтаря хотя бы отчасти посвящены в его планы. Если повезёт, за считанные часы он узнает достаточно, чтобы откупиться от Вирджинии… или уничтожит всех своих друзей. Дьявольская сделка. *Господи, ну зачем они в это ввязались? Они что, не понимают, что с ними сделает правительство за настоящую попытку переворота, стоит им только выйти за рамки игры в вандалов?*

– Нет… пока нет, – наконец сказал он. – Но меня ужасно тянет.

Она улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами на тёмно-оливковом лице.

– Меня тоже. Как насчёт обсудить подробности, только между нами? – она протянула изящную смуглую руку к его локтю. – Прошу прощения, джентльмены. Будем надеяться, что мы вернёмся вашими союзниками, – и мистер Скользки почувствовал, что его деликатно подталкивают к мрачной замшелой лестнице, ведущей в личные покои Эритрины.

Её факел горел ярко, но не дымил. Пляшущий свет озарял их путь на считанные метры. Крутая лестница плавно поворачивала. По его прикидкам, каждые несколько сотен ступеней они делали полный круг – грандиозная спираль, высеченная в самом сердце сплошной скалы. И это сердце билось. Запах гнили и плесени нарастал, с потолка капало всё громче, а лужи на истёртых ступенях становились глубже, неровные стены высоко над головами принимали странные формы, и эти формы двигались и плыли за ними. Эритрина оберегала свою часть замка так же

усердно, как сам замок был отгорожен от внешнего мира. Мистер Скользки не сомневался, что стоило ей только захотеть, и она навечно заточила бы его здесь, среди ползучих гадов и скальных духов. (Конечно, он всегда мог сбежать, выпав в реальный мир, но пока она не сжалится или он не раскусит её заклятья, ему не попасть в другие части замка.) Он уже бывал в её подземных залах во время работы над совместными проектами, но настолько глубоко – ещё ни разу.

Он следовал за её прелестной фигуркой всё ниже, ниже и ниже. В Ковене не было никого могущественнее её, за возможным исключением Робин Гуда и, конечно, Почтаря. Она, вероятно, даже входила в число изначальных основателей. Если бы только удалось убедить её (не разглашая источник сведений), что Почтарь опасен! Если бы только удалось заручиться её поддержкой в охоте на Истинное Имя Почтаря…

Эритрина замерла, и он с удовольствием врезался в неё. Проход перед ними заканчивался высокой дверью. Кроясь от мистера Скользки, она сделала сложный жест рукой и пробормотала отпирающее заклинание. Дверь разделилась надвое, массивные створки разошлись плавно и бесшумно. За ними простиралась всё та же тьма, но теперь испещрённая красными пятнами и полосами.

– Ступай с оглядкой, – сказала она и перескочила через вязкую лужу у высокого порога.

Едва лишь дверь захлопнулась за ними, Эритрина сменила факел на ослепительно-белый шарик вроде старинной лампочки. Комната ярко осветилась. На чёрном плиточном полу стояли удобные кресла из чёрной кожи. Мерцающая красная гравировка перетекала с плитки на обсидиан стен. В отличие от винтовой лестницы, дышалось тут легко, хотя воздух и застоялся.

Она указала ему на кресло, стоявшее спинкой к свету, а сама присела на край широкого стола. Светильник яркими точками отразился в её глазах, сделав их непроницаемыми. Узкое тонкокостное лицо Эритрины было почти азиатским, если не считать остроконечных ушей, но кожа была смуглой, а волосы – того огненно-рыжего оттенка, который порой встречается у североамериканских негров. Она улыбнулась уголками губ, и мистеру Скользки вновь захотелось попросить её о помощи.

– Скольз, я боюсь, – улыбка погасла.

Ты боишься! Он не сразу поверил своим ушам.

– Почтаря? – спросил он с надеждой.

Она кивнула.

– Я впервые в жизни чувствую, что меня превзошли. Мне нужна помощь. Робин Гуд, может, и сведущий чародей, но явный нарцисс; его не увлечь ничем, что не даст немедленного вознаграждения. Значит, остаётесь ты и Лаймо, прежде всего ты. Мы уже натворили пару дел вместе, – она не сдержала улыбки. – Не ахти каких, но я знаю: ты умеешь отличать забавы от важных вещей. В серьёзном деле на тебя можно положиться, даже если оно дойдёт до… крови.

Из уст Эри эти слова звучали по-особенному. Так непривычно чувствовать себя польщённым и напуганным одновременно. Мистер Скользки на мгновение потерял дал речи.

– А как же Уайли Дж.? Мне казалось, что он… подвержен твоему влиянию.

– Ты знаешь?..

– Подозреваю.

– Скоро уже полгода, как он у меня в рабстве. Бедняга Уайли оказался страховым агентом из Пеории. Типичный чародей, в реальной жизни он вроде персонажей Турбера – смирный и трусливый, а мечтает о героических приключениях и грандиозных кражах. Вот только в наши дни такие люди могут не просто мечтать… Но он мне не ровня ни в опыте, ни в упорстве, ни в сноровке, так что я добыла его Истинное Имя. Я люблю охотиться, а не вымогать, так что не слишком его прижимала – а стоило бы. Под крылом у Почтаря он решил, что теперь может послать меня подальше. С чего-то Уайли взял, что ему больше ничего не грозит, даже если я выдам копам его Истинное Имя!

– Так Почтарь и вправду собирается стать политической силой в реальном мире?

Она усмехнулась:

– Уайли в этом уверен. Бедняга, он не знает, что Истинные Имена годятся не только для шантажа. Я перехватываю весь трафик с его каналов связи, всё, что ему говорит Почтарь.

– И что же они затевают? – он не мог скрыть возбуждения. *Может быть, этого хватит, чтобы Вирджиния и её головорезы отстали от меня*.

Эритрина застыла на миг, и он решил, что для предварительной обработки она тоже полагается на низкоорбитальную спутниковую сеть: её задачу только что перебросили с одного спутника связи на другую птичку поближе. Но такую запинку было бы нетрудно скрыть; наверное, она не на шутку взволнована.

А когда она наконец ответила, это не было настоящим ответом.

– Знаешь, когда Уайли поверил, что Почтарь не шутит? Это всё DON.MAC – и революция в Венесуэле. Должно быть, ДОН и Почтарь готовили её несколько месяцев, ещё до того как Уайли присоединился к ним. Тогда Почтарь впервые показал, как манипуляция данными и информационными сервисами позволяет захватить настоящую политическую власть в стране. Они говорили, что Венесуэла – идеальная цель: мощнейшие вычислительные ресурсы – и как раз в меру устаревшие, поскольку закупали их на пике делового бума.

– Но это же был чисто внутренний *переворот*! Нынешние лидеры – местные…

– Однако ДОН сейчас, надо полагать, тамошний *Эль Хефе*. Впервые в жизни ему так же хорошо в физическом мире, как нам на этом плане. Если у тебя в распоряжении целая страна, то ты больше не козявка, которой приходится трястись над своим Истинным Именем. Больше незачем размениваться на мелочи.

– Говоришь, «надо полагать»?

– Скольз, ты в последнее время не замечал за ДОНом никаких странностей?

Мистер Скользки задумался. DON.MAC был самым экстравагантным верботом – после Почтаря. Он не отличался особыми талантами, но облик человека-машины поддерживал скрупулёзно. Его персонаж никогда не покидал этот план, хотя время от времени им управлял симулятор вроде Алана. Имитация была отменной, но пока что никому не удавалось сочинить программу, способную взаправду пройти тест Тьюринга, то есть дурачить людей достаточно долго. Мистер Скользки припомнил глупую улыбку, будто приклеенную к лицу ДОНа, занудные повторы в его агитации за Почтаря…

– Ты думаешь, что за ДОНом больше нет настоящего человека, что у нас тут болтается зомби?

– Скольз, я думаю, что настоящий ДОН *мёртв*! В смысле – Истинной Смертью.

– Может, ему стал больше по нраву реальный мир, раз уж он урвал от него такой жирный кусок?

– Я не думаю, что он хоть что-то урвал. Почтарь едва ли имеет отношение к этому *перевороту*. Да, планы, в которые они посвящали Уайли, неплохо сошлись с реальными событиями. Но я провела в венесуэльских базах уйму времени. Если бы новым порядком заправлял игрок за сценой, я бы заметила.

Я думаю, что Почтарь берёт нас поодиночке, начиная со слабейших, завлекает нас поближе, чтобы вызнать Истинные Имена – и тогда убивает. Пока что он справился только с одним. Я следила за DON.MAC'ом с момента переворота, и напрямую, и в записи. Вот уже две тысячи часов как за этого персонажа ни разу не брался живой человек. Уайли на очереди. Бедняге ещё даже не сказали, в какой стране он станет королём – похоже, Почтарь на деле не так могуч, как бахвалится – но он и так на всё готов ради Почтаря, против нас.

Скользь, нам *позарез надо* опознать эту *тварь*, этого Почтаря, пока он не добрался и до нас!

Она переживала ещё сильнее, чем Вирджиния и феды. И не зря. Почтарь оказался страшнее правительственных агентов.

Он поднял руки:

– Ладно, ты меня убедила! Ну и что же мы сделаем? Уайли у тебя на верном крючке. Почтарь ведь не знает, что ты подслушиваешь через него?

Она покачала головой.

– Уайли слабак, он не признается. Да он и не подозревает, на что я способна с его Истинным Именем. Беда в том, что на большее я и не способна. Потому-то я и хочу объединиться с тобой. Может быть, вместе мы увидим больше.

– Ну что ж… тогда начнём с того, что чудной стиль общения Почтаря – клавиатура, задержки – это всё только притворство. Я уверен, что этот тип постоянно слушает все разговоры в гостиной Ковена. И он рулит множеством духов в реальном времени.

Мистер Скользки вспомнил тот день, когда Почтарь – по крайней мере, его телепринтер – прибыл в Ковен. Образ грузовика American Van Lines затормозил на краю рва, едва не задавив Алана. И шофёр, и грузчик были симуляторами, и весьма хорошими. Они без ошибок ответили на все вопросы Алана, а потом занесли ящик в гостиный зал. Они отказывались уйти, пока колдуны не подписали накладную и не пообещали провести настенные розетки для устройства. Этот противник определённо умел заинтриговать. Кто бы ни управлял принтером, он явно знал, как ведут себя нормальные люди. *А что если мы уже знакомы с ним, как в тех детективах, где убийца маскируется под*

одну из своих жертв? Робин Гуд?

– Верно. Многое ему даётся даже быстрее меня. У него, должно быть, мощные процессоры. Но в одном ты промахнулся: его живая часть и вправду отвечает не раньше чем через час. Всё, что быстрее – запрограммировано.

Мистер Скользки хотел было возразить, но понял, что она может быть права.

– Господи, да что же это может значить? Зачем ему специально лишать себя такого преимущества?

Эритрина довольно улыбнулась.

– Если мы это выясним, то наверняка найдём его. На такие жертвы не пойдёшь просто ради ложного следа. Скорей всего, у него и правда проблемы с доступом в реальном времени, и…

– …и он нарочно подчёркивает их?

Но будь Почтарь хоть австралийцем – сеть низких спутников вносила такие ничтожные задержки, что никто бы не заметил разницы между Японией и Европой. Не было на Земле такого места… *но ведь есть места и вне Земли!* Широкополосные ретрансляторы висели на стационарной орбите в 120 миллисекундах. Там работали две сотни людей. Ещё дальше, в L5, обретались ещё четыре сотни, некоторые практически жили там. Идея безумная, но всё же возможная.

– Вряд ли он преувеличивает, Скольз. Я думаю, что Почтарь – не его процессоры и симуляторы, а сам он – находится не менее чем в получасе от Земли. Например, в поясе астероидов.

Она хихикнула, и только тогда мистер Скользки понял, что у него разинут рот. Ни один человек, кроме Совместной Марсианской экспедиции, никогда не забирался в такие дали. *Ни один человек*. Мистер Скользки почувствовал, что его обыденный мир рассыпается в какую-то научную фантастику. Это нелепо!

– Да, в такое не сразу поверишь. Мне самой потребовалось время. Он не настолько прост, чтобы не добавлять искусственные паузы для маскировки периодических изменений расстояния между нами. Но эта версия объясняет всё. Последние недели я рылась в секретных отчётах наших астероидных зондов; там хватает странностей.

– Ладно. Пускай это рабочая версия. Но это же межзвёздное *вторжение*! Даже если дать NASA неограниченный бюджет, им понадобятся десятки лет, чтобы создать простейший межзвёздный зонд – и ещё десятки лет на сам перелёт. С такой логистикой никакие вторжения не реальны. А если у этих чужих есть приличный звёздный двигатель, тогда к чему им хитрить? Они могут просто прийти и спихнуть нас.

– В том-то и дело, Скольз. Вторжение, о котором я думаю, не

требует никаких особых двигателей и пройдёт против любой расы именно на нашем уровне развития. Ты прав, звёздные войны получаются фантастически дорогими, а на одни только маневры уходят десятилетия. Но высокотехнологичная раса с империалистическими замашками способна на большее, чем просто поджидать в засаде младшие цивилизации. Когда до них доходят первые радиопередачи, они отправляют к источнику сигналов един-единственный корабль. Прибывает он как раз к расцвету Компьютерной Эры. Мы в Ковене знаем, насколько хрупка нынешняя система; если бы не страх быть пойманными, некоторые колдуны давно бы захватили её. Ты только подумай, какой мы лакомый наивный кусочек для древней цивилизации с многотысячелетним опытом управления системами данных! Горстка их агентов приближается настолько, насколько позволяют военные системы наблюдения, и постепенно внедряется в местную систему. Они устраняют всех умников, которых обнаружат – вроде нас – а тогда берутся за бюрократов и военных. Десяток-другой лет – и вот ещё один лен готов принять верховную расу!..

Она осеклась, и в молчании они встретились взглядами. Логика была безумной, но всё сходилось.

– И что же тогда нам делать?

– Хороший вопрос, – она ссутулилась, прошла через комнату и села рядом. Монолог окончился, её пыл угас. Эритрина выглядела как никогда расстроенной. – Мы могли бы просто бросить этот план и остаться в реальном мире. Почтарь всё равно сможет нас найти, но мы тогда ему просто не понадобимся. Если повезёт, пройдут годы до того, как он тут всё захватит. – Она выпрямилась – Но вот что я скажу: если мы хотим и дальше жить как чародеи, его надо остановить немедленно, максимум за несколько дней. Сожрав Уайли, он может перейти от скрытности к прямым действиям.

Если я угадала, то ахиллесова пята Почтаря – его линия связи. Тебе никак не затеряться в толпе, если ты светишь лучом из такой дали. Придётся нам рискнуть, как никогда прежде. Но если мы возьмёмся вместе, у нас будет больше шансов остаться неузнанными.

Он кивнул. Осторожные колдуны избегали широких каналов, ограничиваясь последовательным личным восприятием. Если же взять полосу в несколько сот мегагерц и арендовать побольше процессоров, они смогут вести поиск и править файлы в таких масштабах, что Вирджинию-фемкопа удар хватит. Конечно, так они станут куда заметнее. Но вдвоём, пожалуй, они сумеют продержаться какое-то время, утопив правительство и Почтаря в

ложных следах.

– Если честно, я не верю в пришельцев. Но всё остальное имеет смысл и без них, а это единственное, что важно. Так что нам и правда придётся рискнуть.

– Идёт! – Она широко улыбнулась, обняла его за шею и притянула к себе. Целовалась она замечательно. (Не все так могут. Одно дело выглядеть потрясающе, и совсем другое – спроецировать и принять столько символов, сколько требуется для крайне интерактивного поцелуя.) Едва он размяк от такой взаимной демонстрации их способностей, как она оторвалась от него. – А если так, то приступить лучше всего прямо сейчас. Остальные подумают, что мы просто заперлись тут наедине. Если в ближайшие часы стрясётся что-нибудь странное, Почтарь вряд ли заподозрит *нас*.

Она протянула руку и схватила сияющую точку. Белые лучи кинжалами ударили между пальцев, и наступила тьма. Воздух дрогнул – она взмахнула руками в новом заклинании, прозвучали слова, искажённые и неразборчивые. Затем свет вернулся, опять став факелом, а в дальней стене открылась дверь – *другая* дверь.

Они пошли вверх по коридору, который тянулся всё прямо и прямо, насколько хватало света. Этого пути не существовало – по крайней мере, никто в Ковене в него бы не поверил. Замок был всего лишь логической структурой, воплощённой сенсорными подсказками так, что колдуны ходили по ней, будто по реальному зданию. Рвы и стены тоже входили в структуру, и хотя в

реальности за ними стояли только переменные потенциалы в кристаллах процессоров, для столь же нереальных обитателей этого плана они были непроходимы. Эритрина и мистер Скользки могли бы просто выпасть из подземелья в реальный мир, но тогда бы они оставили за собой цепочку незакрытых процессорных ссылок. Такой уход заметили бы все в Ковене – даже Алан, даже духи. Штатная процедура выхода, представленная туннелем, означала, что Эритрина была либо настолько умной, что на самом деле вовсе не нуждалась в его помощи, либо входила в число строителей замка года четыре назад (давным-давно во тьме веков, как говорил Лаймо).

Они обернулись дикими волками, достаточно крупными, чтобы их не трогали, но всё же не слишком, чтобы казаться новичками на Ином Плане. Таких тут становилось всё больше и больше, по мере того как порталы дешевели, а средний уровень пользователей возрастал. Мистер Скользки бежал следом за Эритриной по узким тропам, всё дальше и дальше в болото, которое означало область коммерческих и правительственных данных. Порой он замечал духов и симуляторов, злобно глядящих им вслед из гнёзд по бокам тропы. Большинство были пустышками – программными модулями, созданными с единственной целью позлить или позабавить прохожих. Но некоторые сторожили настоящие информационные тайники, лазейки в чужие дела или входы в штаб-квартиры сообществ. Ковен был, наверное, самой изощрённой группой пользователей на этом плане, но далеко не единственной.

Кустарник вытянулся и сомкнулся над тропой, роняя капли им на спины. Тихие чистые озерца пришли на смену болоту по обе стороны их пути. Вода светилась собственным светом, жемчужные отблески играли на стволах водных деревьев, искрились в каплях на листьях и подушках мха. Так выглядели грандиозные базы данных правительства и крупнейших корпораций, привязанные не столько к определённым географическим точкам, сколько к самой Восточно-Западной сети, протянутой от Гонолулу до Оксфорда, чтобы балансировать нагрузку за счёт разницы в часовых поясах.

– Ещё немного, – бросила через плечо Эритрина на зверином языке-шифре, который они выбрали для этого воплощения.

В следующую минуту они юркнули в кусты, прочь с пути двоих броненосных хакеров, бесцеремонно продирающихся по тропе. Парочка шла след в след, их монстроподобные восьмицилиндровые мотоциклы с рёвом изрыгали дым и пламя. Задний держал старинную безоткатную винтовку, хромированную

и изукрашенную свастиками. Под тонированными забралами мерцал багровый огонь. Волки настороженно проводили байкеров взглядом, как того требовала их роль, но мистер Скользки не сомневался, что как раз они-то и были настоящими новичками, которые непомерно себя навоображали: мотоциклы не всегда касались колёсами земли, а следы протекторов не стыковались с текстурой грязи.

На этом плане кто угодно мог нацепить облик героя или чудовища, да только на них всегда находились настоящие умельцы, готовые поставить выскочек на место – вплоть до полного отказа в доступе. Неопытным следовало принимать вид маленький и неприметный, и уступать всем дорогу.

Мистер Скользки любил поболтать о том, каким же образом использование высокоточных энцефалограмм как устройств ввода-вывода превратило пространство данных в волшебный мир. Лаймо и Эритрина утверждали, что духи, реинкарнации, замки и заклинания просто пришлись тут впору – они оказались естественнее, чем сухие атомистические концепции программ, файлов, структур данных и протоколов связи. Они говорили, что сознание само выбирает символы волшебства для работы с этой новой средой. В этом был свой резон; скорей всего, правительства мира так и не сравнялись с лучшими колдунами именно потому, что отказывались снизойти до фэнтезийного баловства.

Мистер Скользки опустил взгляд на своё отражение в озере. Оттуда на него смотрела лобастая волчья морда с высунутым языком; он подмигнул. Уж он-то знал, что несмотря на все заумные аргументы, нынешнее положение дел объяснялось другой причиной, восходившей к лунному посадочному модулю и древней игре Adventure: жить в податливом воображаемом мире было просто чертовски интересно.

Когда наездники пропали из виду, Эритрина вышла на берег озера по ту сторону тропы и пристально всмотрелась в прозрачную глубину между кувшинок.

– Ну что ж, займёмся корреляциями. Возьми базу данных Лаборатории реактивных двигателей, а я займусь гарвардскими мультиспектральными наблюдениями. Начнём с данных внешних космических зондов вплоть до десяти астрономических единиц. На месте Почтаря я скрывала бы свои передачи, подсадив троянца в данные какого-нибудь корабля NASA.

Мистер Скользки кивнул. Так или иначе, теорию инопланетного вторжения следовало проверить первой.

– Я буду на месте через полчаса, и тогда мы построим корреляцию. Хммм… если что-нибудь сорвётся, встречаемся на Третьем широкополосном ретрансляторе, – она назвала пароли.

Конечно, это только на самый крайний случай. Если через три-четыре часа они не вернутся в замок, остальные наверняка догадаются о её секретном тоннеле.

Эритрина присела и с тихим всплеском нырнула в озеро. Кувшинки закачались на расходящихся кругах. Мистер Скользки заглянул в глубины, но её, само собой, уже и след простыл. Он пошлёпал вдоль берега, высматривая характерное сияние базы данных ЛРД.

Крупная кувшинка, через которую проходили соединения АНБ с Восточно-Западной сетью, вдруг затряслась. Огромная жаба выбралась на лист из воды и уставилась на него:

– Ага! Попался, сукинтысын!

Это была Вирджиния; голос её, хотя и в другом теле.

– Шшшшш! – ответил мистер Скользки, лихорадочно озираясь, не подслушивает ли кто. Никого рядом не оказалось, но это ещё ничего не гарантировало. Он накинул на жабу своё лучшее заклинание секретности и подполз как можно ближе к кувшинке. Они уставились друг на друга, как персонажи Лафонтена: басня о Волке и Жабе. С каким бы удовольствием он

набросился и откусил эту жирную головку! Увы, победа бы вышла сугубо временной.

– Как вы меня нашли? – рявкнул мистер Скользки. Если даже такие неумехи, как феды, смогли его выследить в этой маскировке, то Почтарь и подавно сумеет.

– Вы забыли, – жаба самодовольно надулась, – что мы знаем ваше Имя. Нам ничего не стоит проследить каждый ваш шаг через домашний процессор.

Мистер Скользки беззвучно заскулил. *В рабстве у* ***жабы!*** *Даже Уайли повезло больше*.

– Ну ладно, вот он я. И чего вы хотите?

– Напомнить вам, что мы ждём результатов – и получить отчёт о текущем прогрессе.

Он опустил морду, чтобы их глаза оказались на одном уровне:

– Хи-хи. Я сейчас отчитаюсь, но вам это не понравится, – и он изложил теорию Эритрины об инопланетном вторжении.

– Чушь! – подытожила жаба. – Полный бред! Мы ожидали от вас большего, Пол… э, мистер.

Он содрогнулся. Она почти произнесла его Имя! Умышленная угроза, или она и правда настолько глупа, как выглядит?

– А как же Венесуэла? – возразил он и предъявил собранные Эри доказательства, что переворот в этой стране провёл Почтарь.

На этот раз жаба не ответила. Её глаза потрясённо выпучились и остекленели. Он понял, что Вирджиния совещается с людьми на той стороне. Прошло почти пятнадцать минут. Когда взгляд жабы прояснился, она заметно сникла.

– Мы перепроверим это. То, что вы рассказали, вполне возможно. На грани возможного, но если так… Ну, если так, то с худшей угрозой мы в этом веке ещё не сталкивались.

И вы понимаете, что я – ваш единственный доступный шанс на спасение. Мистер Скользки слегка расслабился. Если там это поняли, то теперь они во взаимном рабстве – по крайней мере, на время. Тут он вспомнил, что Эритрина собиралась нахватать столько сил, сколько выйдет, и попробовать изгнать Почтаря. Ведь если феды окажутся на их стороне, то тогда они смогут такое, о чём Эри и не мечтала! Он так и сказал Вирджинии.

Жаба только квакнула:

– *Вы*… хотите… чтобы *мы*… дали вам карт-бланш в Федеральной системе данных? А может, вам ещё и должность президента и председателя Комитета начальников штабов в придачу?

– Минутку! Я этого не говорил. Я понимаю, что это беспрецедентная мера, но ведь и ситуация исключительная. И вы

всё равно знаете моё Имя. Этого мне никак не обойти.

Жаба снова остекленела глазами, но теперь только на пару минут.

– Мы вернёмся к этому вопросу. Нам нужно ещё многое проверить в ваших теориях, прежде чем мы свяжем себя любыми обязательствами. А пока что вы отстранены от работы впредь до дальнейшего уведомления.

– Погодите! – Что будет делать Эри, когда он не появится в условленном месте? Если он не вернётся в замок через три-четыре часа, остальные точно узнают о секретном выходе.

Жаба была неумолима.

– Я сказала, что вы отстранены, мистер. Мы требуем, чтобы вы немедленно вернулись в реальный мир. И вы останетесь там до дальнейших указаний с нашей стороны. Ясно?

Волк свесил голову, как побитая собака.

– Да.

– Отлично. – Жаба кое-как вскарабкалась на край просевшей кувшинки и бултыхнулась в воду. Через пару секунд мистер Скользки последовал за ней.

Возвращение напоминало пробуждение от полуденной дремоты; вот только время было за полночь.

Роджер Поллак встал и потянулся, разминая одеревеневшие мышцы. Он отсутствовал почти четыре часа – больше, чем когда-либо прежде. Обычно его внимание рассеивалось через два-три часа. Он не собирался пичкать себя лекарствами, так что это поневоле ограничивало его пребывание на Ином Плане.

Силуэты сосен за панорамным окном чернели на фоне Млечного пути. Он приоткрыл фрамугу и прислушался к ночным птицам. Весна подходила к концу; ему нравилось воображать, что на севере виден тусклый полярный рассвет. Скорее всего это был всего лишь Новый Орлеан. Поллак нагнулся к оконному стеклу и взглянул на небо, где Марс сошёлся с Юпитером. [3] Трудно было представить, чтобы угроза его жизни исходила настолько издалека.

Поллак сохранил заклинания, добытые в последнем сеансе, отключил систему и упал в постель.

Следующие утро и день Роджера Поллака тянулись как никогда долго. Как они свяжутся с ним? Снова приедут громилы на чёрных «Линкольнах»? Что сделала Эритрина, когда он не вышел на связь? В порядке ли она?

А проверить не было никакой возможности. Он мерил шагами свою крошечную комнату из угла в угол, позабыв о сюжетных линиях романа, над которым работал. *Стоп, но ведь способ есть!* –

осенило его. Он посмотрел на старую дата-панель. Вирджиния приказала держаться подальше от Иного Плана. Но что они могут возразить против обычной дата-панели, нисколько не сложнее тех, которыми пользуются миллионы офисных работников по всему миру?

Он уселся за панель, стёр пыль с экрана и планшетов. Неловко набрал полузабытые последовательности символов и просмотрел бегущий по экрану поток новостей. Несколько запросов – и он выяснил, что за ночь не случилось никаких заметных бедствий и что мятеж в Индонезии поутих. (Уайли Дж. ещё не стал королём.) Никаких сообщений о насильственных смертях известных вандалов данных.

Поллак зарычал. Он успел забыть, как невыносимо нудно смотреть на мир через дата-панель, даже с аудиовыходом. На Ином Плане он бы почерпнул ту же информацию за несколько секунд, так же мимоходом, как простой смертный бросает взгляд за окно, чтобы узнать, не идёт ли дождь. Он сбросил последние двадцать четыре часа всемирной доски объявлений в свою домашнюю область памяти и принялся их просматривать. Доска объявлений идеально подходила для анонимной переписки: сообщения мог добавлять кто угодно, они автоматически индексировались по заголовкам, отправителям и целевым аудиториям. Если скопировать всю доску и провести поиск локально, в протоколах не останется никаких намёков на то, что именно его интересовало. Публиковать сообщения, не оставляя следов, было так же несложно.

Как всегда, там болтался десяток-другой посланий для мистера Скользки, большинство от фанов; среди вандальских сообществ Ковен пользовался наибольшей славой. Ещё несколько были для других мистеров Скользки. При пяти миллиардах населения Земли – ничего удивительного. [4]

А одну из заметок оставил Почтарь, так значилось в поле отправителя. Поллак вывел сообщение на экран. Сплошные заглавные буквы, ни цвета, ни звука. Как и все послания Почтаря, оно выглядело так, будто вышло из невероятно древнего устройства ввода-вывода:

ТЫ МОГ РАЗБОГАТЕТЬ. ТЫ МОГ ПРАВИТЬ. А ТЫ УСТРОИЛ ЗАГОВОР ПРОТИВ МЕНЯ. Я ЗНАЮ О СЕКРЕТНОМ ВЫХОДЕ. Я ЗНАЮ, КАК ТЫ УШЁЛ ПО-ВОЛЧЬИ. ВЫ С КРАСНОЙ – ТРУПЫ. ТОЛЬКО ПОКАЖИТЕСЬ НА ЭТОМ ПЛАНЕ, И БУДЕТ ИСТИННАЯ СМЕРТЬ. ВАШИ ИМЕНА УЖЕ ПОЧТИ У МЕНЯ.

***** ИЩИ МЕНЯ В НОВОСТЯХ, СОПЛЯК *********

«Блеф, – подумал Роджер. – Стал бы он рассылать угрозы, будь у него взаправду такие возможности». Но в животе у него

что-то оборвалось. Почтарь не должен был знать о волчьей маскировке. Он что, перехватил связь мистера Скользки с федами? Если так, то он и правда мог добраться до его Истинного Имени. А в какую беду попала Эри? Что она сделала, когда он не прибыл на встречу в Третьем ретрансляторе?

Быстрый поиск не принёс никаких записок от Эритрины. То ли она искала его на Ином Плане, то ли её отсекли так же основательно, как и его.

Он всё ещё переваривал новости, когда раздался телефонный звонок. Он ответил:

– Принять, без видео.

Его панель стала монотонно-серой: абонент тоже не включал камеру.

– Вы всё ещё там? Это хорошо.

Это была Вирджиния. Её голос звучал необычно глухо и напряжённо. Наверное, искажения от шифровальных алгоритмов. Только бы она не полагалась на надёжность этого шифрования! Он никогда не усиливал защиту своего телефона сверх стандартного уровня. (И он видел процедуры, которые Уайли Дж. и Робин Гуд разработали для дешифровки в реальном времени тысяч коммерческих разговоров и мониторинга ключевых фраз в поисках чего-нибудь любопытного. Правда, эта технология жрала непомерные процессорные мощности, но Почтарь вряд ли был в них ограничен.)

– Без имён, ладно? – продолжила Вирджиния. – Мы проверили то, о чём вы сообщили… и вы, похоже, правы. Мы всё ещё сомневаемся в вашей теории о *его* происхождении, но сведения о международном положении подтверждены. – Значит, венесуэльский переворот и правда был захватом извне. – Более того, теперь мы уверены, что *он* просочился к нам куда глубже, чем мы думали. Похоже, что тот неудачный взлом был просто ложным следом. – До Поллака дошло, что в её голосе звучит паника. Должно быть, феды поняли, что столкнулись с катастрофической угрозой. Их поймали со спущенными защитами, и теперь вся надежда оставалась только на сомнительных типов вроде Поллака.

– Так или иначе, мы принимаем ваше предложение. Мы предоставляем вам двоим запрошенные ресурсы. Мы хотим, чтобы вы прибыли в… другое место как можно скорее. Там мы сможем продолжить разговор.

– Выхожу немедленно. Сейчас подберу друга и найду вас на месте. – Он оборвал связь, не дожидаясь ответа, и откинулся на спинку кресла, чтобы насладиться победой и почти что жалобным тоном копов. Но у него ничего не вышло. Он знал, насколько она

тверда и упряма; что бы ни заставило её приползти на брюхе, он бы не хотел повстречаться с этим кошмаром.

Первая остановка – Третий широкополосный ретранслятор. Физически ШР-3 был двухтысячетонным геосинхронным спутником над Индийским океаном. Широкополосные ретрансляторы обслуживали почти все неинтерактивные коммуникации (а фактически это означало и множество передач, которые большинство людей считали интерактивными, такие как беседы между двумя людьми или простейшие диалоги человек-компьютер). Полосы и процессорное время на широкополосниках стоили дешевле, потому что страдали от неизбежных задержек от 240 до 900 миллисекунд.

Таким образом, ретранслятор был удобным местом рандеву вдали от суеты. На Ином Плане он выглядел как пятиметровая скальная полка у вершины горы, возвышавшейся над лесами и болотами низколетящих спутников и наземных сетей. Вдалеке на фоне бледного неба торчали ещё два таких же пика.

Мистер Скользки высунулся из-за края полки навстречу леденящему ветру со склонов горы и посмотрел вниз на болота за границей вечнозелёных лесов. Ему показалось, что за необычно густыми туманами он даже различает замок Ковена.

Наверное, придётся спускаться в леса и болота. Эритрины здесь не было. Поблизости кружили только духи в обличье летучих мышей и грифончиков. Они порхали над ним, время от времени взлетая к самой вершине.

Для этой вылазки Мистер Скользки и сам принял любительски-пафосный облик крылатого человека, надеясь такой маскировкой отвести вражеские глаза и уши. Он неуклюже перепорхнул вдоль полки к небольшой пещере, обещавшей укрытие от пронизывающего ветра. У входа намело сугроб мокрой снежной крупы. Увы, пещерные многоножки тоже оказались всего лишь чьими-то самопальными передатчиками.

Он вернулся к выходу; да, придётся справляться в одиночку. Но когда он переступал сугроб, тот взвихрился. Ледяные крупинки обожгли его лицо и руки. *Ловушка!* Он отскочил, кратчайшее заклинание бегства застыло на его губах. Проклятье, надо было подготовить отход заранее! Задержки были слишком велики, а ловушка жила прямо здесь, на ШР-3, и с лёгкостью опережала его. Снежный смерчик зажужжал, как туча сердитых комаров.

– Пог-год-дии-ка! – прозвенел он.

Звук совпал с базовым шаблоном распознавания; это была работа Эритрины. За триста миллисекунд ветер подхватил

остатки снега и подбросил их в растущий вихрь. Мистер Скользки понял, что задел сигнализацию, настроенную на вызов Эри, если он вдруг тут объявится. И она прибыла незамедлительно – должно быть, уже работала где-то поблизости на этом плане.

– Гд-де ты был-л-л?! – в голосе снежного вихря зазвенела смесь раздражения и беспокойства.

Мистер Скользки набросил своё заклинание поверх того, которое наложила она. Ничего не поделаешь, придётся рассказать ей о федах и его Имени. А заодно и о том, что Вирджиния подтвердила сведения о Венесуэле, и о предложенной помощи.

Эритрина ответила не сразу, и не вся задержка объяснялась ограниченной скоростью света. А потом хоровод снежинок, её нынешнее обличье, заклубился вокруг него:

– Значит, при любом исходе ты проигрываешь, да? Жаль, что так вышло, Скольз.

Мистер Скользки уронил крылья:

– Ещё бы не жаль. Но теперь, если мы не остановим Почтаря, нам всем придёт Истинная Смерть. Он всерьёз решил захватить… всё. Представляешь, что будет, когда всю эту толпу правительственных мегаломаньячков спихнёт один огромный?

Опять та же пауза. Снежный вихрь содрогнулся.

– Ты прав. Мы должны остановить его, даже если это означает работу на Сладенького Сэма и его Министерство соцобеспечения, – она хихикнула с почти неслышным перезвоном. – Даже если это означает, что *им* придётся поработать на *нас*. – Ей-то легко было смеяться: её Имени феды не знали. – Ну и как мы подключимся к системе твоих приятелей-федералов? – Она снова сменила обличье, на этот раз став орлом-альбиносом. Единственной уступкой красному цвету, которую она себе позволила, остались её горящие глаза.

– На лорельском входе старого арпанета. У нас там почти что карт-бланш, плюс доступ к материалам внутренних расследований Министерства юстиции, но входить придётся через единственную физическую точку и строго по выданным нам паролям. – В их с Эритриной распоряжении окажется больше возможностей, чем выпадало кому-либо из вандалов, но на исключительно коротком поводке.

Он взмахнул крыльями и поднялся в воздух. Всё с той же задержкой орёл последовал за ним. Они взлетели почти к самой вершине и начали долгий спуск к болотам. Ледяной ветер посвистывал в перьях. В принципе, к терминалу Лорела можно было перенестись почти мгновенно, но кружной путь был предпочтительнее не просто из романтизма – многие новички убеждались в этом на собственной шкуре. То, что сознание

воспринимало как смену воздушных потоков и поиск просветов между тучами, на деле было подсознательной работой программ, перебрасывающих обработку из арендованной области в ШР-3 на низкие спутники и наземные станции. Дело долгое и сложное, зато такой маршрут практически невозможно проследить. Уязвимее всего они станут в Лореле, когда придётся входить в систему через одно-единственное доступное устройство.

Небо полыхнуло; через несколько секунд воздух тяжёлым кулаком ударил их в спины. Они беспорядочно закувыркались вниз к отдалённым лесам. Мистер Скользки перешёл из падения в управляемое пике. Взглянув назад – из его нынешнего положения это было легко – он увидел раскалённую докрасна вершину бывшего ШР-3 и исходящие паром потоки лавы. Даже с такого расстояния можно было разглядеть вьющихся над геенной мошек. (Охотники в поисках ускользнувшей добычи?) Задержись они всего на несколько секунд, и большинство их процессов всё ещё исполнялись бы на ШР-3, так что катастрофа, чем бы она ни была, выбила бы их с этого плана. Ещё не Истинная Смерть, но восстанавливаться пришлось бы несколько дней.

Справа от него пикировал белый орёл; им едва хватило альтернативных каналов, оставшихся после падения ШР-3, чтобы выжить. Ближе к сырому воздуху низин мистер Скользки окунулся в новостные каналы; в «LA Times» уже просочились слухи о том, что аэрокосмический пусковой лазер на Хоккайдо из-за фатальной ошибки засветил оптику ШР-3. К счастью,

маломощный импульс длился всего несколько микросекунд; далеко не Перст Господень. Никто не пострадал, но восстановление широкополосных каналов потребует времени, а пересылка трафика на сотни миллионов долларов практически встала. Будет расследование и уйма крайне сердитых клиентов.

Это наверняка не случайность. Почтарь показал зубы; никто не подозревал, что он проник и в эти системы. Похоже, что он разгадал планы своих противников.

Они выровнялись в дюжине метров над верхушками сосен у края болот. В густом влажном воздухе горы на горизонте почти не были видны. Наползали тучи, собиралась буря. Они-то уже надёжно закрепились в сети низколетящих спутников, но на входе столпились ещё тысячи пользователей. Потеря ШР-3 на несколько недель превратила Иной План в шумное место: крупные потребители перебрасывали сюда свой трафик.

Он пронёсся над болотом, высматривая один определённый пруд с той самой кувшинкой, которая отмечала единственный разрешённый им вход. Вот! Они с Эритриной заложили вираж и скользнули вниз, высматривая следы Почтаря и его дружков на топких берегах пруда.

Вообще-то осторожничать не было смысла. Если у пруда ждала засада, то их бы уже давно заметили на подлёте. *Лучше просто поспешить*. Он махнул красноглазому орлу, и они спикировали в зеркальную водную гладь.

Поверхность пруда обозначала смену режима наблюдения. Он больше не ощущал ни своё крылатое тело, ни окружавшую его воду. Теперь взаимодействие шло напрямую по протоколам компьютерного центра в окрестностях Лорела, Мэриленд. Эри с любопытством осмотрелась по сторонам. Они ещё не дошли до арпа-входа. Мистер Скользки соскользнул в старомодный правительственный офисный комплекс. Незабываемое ощущение терминалов 1990-х годов. Краем сознания он чувствовал, как пишутся и редактируются служебные записки, как доклады поднимаются и возвращаются назад в хранилища. Любимым развлечением вандалов, даже посредственных, было проникнуть в один из таких офисов и имитировать запросы начальства с абсурдными и невыполнимыми распоряжениями для местного штата сотрудников.

Но сейчас на игры не было времени – следовало поскорее войти. Он выскользнул из офисного комплекса и пролистал старые каталоги. Арпа насчитывала уже более полувека [5], первая из серьёзных сетей, ныне пыльная и позаброшенная, но всё ещё активная, и целевой адрес по-прежнему был здесь. Он позвал Эритрину, они встали в точке входа, предъявили выданные

Вирджинией коды… и оказались внутри. Мегабайты парольных ключей и профилей доступа, беззаботно брошенные тут людьми Вирджинии, посыпались на них. Но в то же время они чувствовали, что находятся под пристальным наблюдением. Феды страшно рисковали, оставив эти материалы в свободном доступе, так что теперь они вовсю старались удержать своих временных союзников-вандалов на привязи.

За пятнадцать секунд они узнали о внутренних делах Министерств юстиции и соцобеспечения больше, чем весь Ковен за пятнадцать месяцев. Мистер Скользки не сомневался, что Эритрина уже планировала, как распорядиться этими сведениями в будущем. У него, разумеется, никакого будущего тут не было. Они выплыли из арпа-погреба в просторные области данных – файлы Министерства юстиции. От них ничего не скрывали; несколько пробных запросов к архивам вернули результаты со скоростью, исключавшей всякий подлог. Отсюда они могли рассылать судебные повестки, выдавать допуски и многое другое.

– Давай прищучим его, Скольз, – в этом царстве абстракций голос Эритрины звучал нечеловечески глухо. (Любопытно, сколько времени понадобится федам, чтобы подключить образный доступ к своим данным, как на Ином Плане? Это может поколебать их спесивое достоинство, зато радикально повысит эффективность – с точки зрения Ковена, она станет хуже некуда.)

Мистер Скользки кивнул. Теперь им с лихвой хватало средств для запланированного дела. За несколько секунд они пересмотрели все локально доступные данные по внепланетным передачам, затем вынырнули из сети Министерства юстиции – мистер Скользки в Пасадену и архивы планетарных зондов ЛРД, Эритрина в Кембридж и гарвардские мультиспектральные наблюдения.

Один только предварительный отбор данных о сигналах предполагаемых инопланетных захватчиков занял бы несколько часов, но едва мистер Скользки успел начать, как заметил поблизости десятки процессоров, доступных для реквизирования с его новыми федеральными полномочиями. Он тщательно удостоверился, что не затронет ничего критически важного вроде авиадиспетческих служб или больничных систем жизнеобеспечения, а затем тихо прикарманил вычислительные ресурсы нескольких сотен ничего не заподозривших пользователей – их дата-панели автоматически переключились на другие ресурсы. Никогда прежде он не решался завладеть такими мощностями. На другой стороне континента Эритрина занималась тем же самым.

За три минуты они просеяли пятилетние записи передач куда

подробнее, чем планировали вначале.

– Ни единого следа, – вздохнул он и взглянул на Эритрину. В гарвардских записях нашлось множество необычных источников сигналов, но ни один не ложился на предполагаемые орбиты. Все передачи зондов NASA прошли проверки на целостность без сучка и задоринки.

– Да, – её смуглое лицо с раскосыми глазами висело рядом с ним. С такими ресурсами она могла проецировать образы даже здесь. – Но знаешь, мы ведь пока ещё не сделали ничего, чего феды не смогли бы и сами, дай им пару месяцев на возню с дата-панелями… Да, большего мы и не планировали. Но мы же едва затронули полученные ресурсы!

Она была права. Он осмотрелся, чувствуя себя маленьким мальчиком в кондитерском магазине: он чувствовал грандиозные базы данных и права на работу с ними. Наверное, копы не собирались давать им так много, но ведь всякому очевидно, что при таких возможностях ни одному врагу от них не уйти.

– Ну ладно, – сказал он, – давай ужрёмся до поросячьего визга.

Эри рассмеялась и громко хрюкнула. Они быстро и аккуратно подобрали некритичные процессорные ресурсы по всем Восточно-Западным сетям. В несколько секунд они стали крупнейшими пользователями в Северной Америке. Любой системный наблюдатель сразу бы заметил утечку, но для обычных пользователей только возросли задержки. Модемные сети не менее эластичны, чем старинные сети электроснабжения – и так же, как электросети, при перегрузке они рвутся. Но пока что они с Эритриной ещё и близко не подошли к пределу упругости.

…Но они уже ощущали то, чего до сих пор не испытывал ни один человек: сенсорную полосу тысячекратно шире обычной. На бесконечно долгие секунды их сознания затопила какофония на грани боли – данные, которые не были информацией, и информация, которая не была знанием. Слышать десятки миллионов телефонных разговоров одновременно, видеть видеопотоки всего континента сразу – это должно бы было слиться в белый шум, но вместо этого стало приливной волной подробностей, ревущей сквозь дырочку восприятия. Боль становилась всё сильнее, и мистер Скользки ужаснулся. Это сенсорное выгорание было как Истинная Смерть…

Он едва расслышал голос Эритрины в этом рёве:

– Используй *всё*, не только входы! – и ему едва хватило рассудка понять, о чём она говорит. Он ведь распоряжался не только сырыми данными – все компьютеры континента, если он сумеет с ними управиться, помогут ему отфильтровать эту лавину, совсем как отделы мозга, которые ведут предварительную обработку сенсорных импульсов. И он потратил ещё целые

секунды на то, чтобы распределить по Системе само своё сознание.

Ему удалось; он снова владел собой. Но прежним ему уже не стать: былой человек по имени мистер Скользки казался букашкой на полу собора, которым стало его сознание. Его просто стало *больше*. Ни одна пташка не могла теперь упасть без его ведома благодаря авиадиспетческим службам; ни один чек не мог быть обналичен без его присмотра по банковским сетям. Тем, во что превратился его взгляд, он охватывал более трёхсот миллионов человеческих жизней зараз.

Вокруг и внутри себя он ощущал ещё одно сознание – Эритрину, выросшую до тех же масштабов. Бесконечную долю секунды они смотрели друг на друга, общаясь не столько словесно, сколько кинестетически. А затем она усмехнулась прежней улыбкой, но теперь исполненной таких смыслов, которые прежде ей было не под силу выразить:

– Ну держись, бедняга Почтарь!

Они снова обыскали базы – теперь уже все гражданские базы данных сразу. Смертные могли только мечтать о таком поиске. Они нашли следы, почти незаметную систему манипуляций, укрытую среди обычных преступлений и вандализмов. Кто-то покопался в венесуэльской системе, по крайней мере со стороны Северной Америки. Выследить его было непросто – видимо, враг владел по крайней мере долей их способностей – но они всё же прошли за ним обратно в лабиринты федеральной бюрократии: ресурсы перенаправлены, сотрудники повышены или переведены не вполне по автоматическим правилам. Такие незначительные отклонения никогда бы не привлекли внимания рядовых клерков, да и копы лишь едва их заметили. Но месяц за месяцем мелкие нарушения складывались в такую нестабильность, которую даже они двое не могли понять. Ясно было только одно: всё это кто-то подстроил, и ничего хорошего в результате выйти не могло.

– Он всё ещё нам не по зубам, Скольз. Мы были во всех гражданских сетях, и его там нигде нет; но мы же знаем, что он ведёт серьёзную обработку на Земле или на низкой орбите!

– Значит, или он не в Северной Америке, или он проник к… военным.

– Могу спорить, что и то, и другое. Значит, нам придётся последовать за ним.

И это означало захват военной системы США, по крайней мере частичный. Даже если они с этим справятся, Вирджиния и её приятели наверняка не обрадуются. С точки зрения копов это будет означать, что угроза государству утроилась. Пока что против их поисков не возражали, но он знал, что Вирджиния и её

начальство засели в каком-то глубинном бункере под Лэнгли, напряжённо всматриваясь в целую стену мониторов и пытаясь понять, чем он сейчас занимается и не пора ли выдернуть ему шнур.

Эритрина поняла его сомнения сразу, едва лишь они пришли ему на ум.

– У нас просто нет выбора, Скольз. Нам *придётся* захватить контроль. Не только феды следят за нами – если мы не достанем Почтаря с первого захода, он наверняка достанет *нас*.

Ей легко было говорить. Никто из её врагов не знал её Истинного Имени. А мистеру Скользки ещё предстояло как-то пережить *двоих* противников. С другой стороны, он подозревал, что из этих двоих Почтарь куда опаснее.

– Отсюда остаётся только один путь – наверх, да? Ладно. Я в игре.

Они принялись за уже знакомое дело, захватывая всё больше и больше вычислительных мощностей, но теперь уже в Объединённой Европе и Азии. Параллельно они решали задачу посложнее – проникновение в североамериканские военные сети. Обе операции далеко превосходили пределы возможностей отдельных людей и даже целых коллективов, но и они вдвоём теперь стали сильнее любого гражданского субъекта в мире.

Зарубежные дата-центры сдались с лёгкостью за считанные минуты. То ли дело военные. Феды потратили многие годы и сотни миллиардов долларов на безопасность армейских командных систем. Но нынешнего нападения со всех сторон сразу они не ожидали; всего за несколько мгновений двое преследователей проникли в систему управления АНБ – и на них напали! Десятки блестящих хищных тел устремились к ним, и множество их процессоров разом перестали отзываться. Они с Эритриной бешено отбивались, словно неуклюжие гиганты, машущие кулачищами среди стаи стремительных соколов. Здесь была и образная поддержка, не менее подробная, чем на Ином Плане. Они нарвались на врага со способностями колдунов, и значительно более могучего. Но битва всё равно была неравной. Они с Эритриной обладали куда большим опытом и многократно превосходящими процессорными мощностями. Нападавшие вспыхивали и исчезали один за другим.

Почти сразу он понял, что это не орудия Почтаря. Они были сильны, но сражались всего лишь как посредственные колдуны. Скорей всего, это была предельно секретная линия обороны, разработанная правительством для своих военных систем управления. Пока гражданские бюрократы цеплялись за свои устаревшие дата-панели и языки обработки данных, вояки куда

охотнее пробовали новинки. Они разработали что-то вроде чародейской системы. Вряд ли они говорили на волшебном жаргоне для описания симбиоза человека и компьютера, но их техника и приёмы получились такими же. Эти стремительные бойцы, кружившие над фоновыми образами, были Иным Планом цвета хаки.

Но по сравнению с его нынешней мощью защитники ничего собой не представляли. Ещё не закончив очищать от них небо, он уже чувствовал, как его сознание распространяется по военной системе. Теперь он с кристальной чёткостью видел каждый кусочек космического мусора; в поисках чужого разума он перебрал их все за долю секунды. Ни следа Почтаря.

Они извлекли на свет военные и дипломатические архивы за последние пятьдесят лет. Параллельно с изучением данных со спутников мистер Скользки и Эритрина пролистали всю эту бюрократическую переписку, тщательно и молниеносно просматривая каждый запрос туалетной бумаги, каждое объявление тайной войны, каждый проездной билет, каждую из триллионов бумажек, по которым со скрипом катилась государственная машина. Здесь следов стало больше: целые секции оказались изменены настолько неуловимо, будто попали в слепое пятно – они вызывали такое ощущение, будто всё оставалось на виду, но кое-что просто исчезло. Нашлись и другие искажения, просто ужасные. Их масштабное расследование с очевидностью доказывало, что вся Венесуэла, значительная часть Аляски и практически вся деловая основа сети низколетящих спутников находились под контролем некого лица, нисколько не связанного с номинальными владельцами. Личность их врага по-прежнему оставалась тайной, но его деяния громоздились вокруг них всё выше и выше.

В отдалённом уголке того, чем стало его сознание, какие-то букашки зашлись в убийственной ярости – букашки, которые знали Истинное Имя мистера Скользки. Они знали, что натворили он и Эритрина, и теперь двое колдунов стали для них страшнее самого Почтаря. Пока они с Эри вели поиск, он прислушивался к сигналам с командного поста Лэнгли, следил за вылетом тяжеловооружённых вертолётов к простому сельскому бунгало в Северной Калифорнии – и скорректировал их шифрованные приказы так, что рейд обрушил свой смертоносный груз на безлюдный участок Тихого океана.

Другим фрагментом внимания мистер Скользки видел, что его противодействие не осталось незамеченным Вирджинией – точнее, её начальством, которое давно уже приняло на себя управление операцией. Им всё ещё оставалась доступна прямая

трансляция с военных спутников.

Он попросил Эритрину подменить его. Несколько секунд ей придётся поработать в одиночестве, пока он разбирается со своим назойливым противником. Он чувствовал себя, как человек, на которого напала стая щенков – крайне надоедливых и способных серьёзно покусать, но поймать их было ещё труднее, чем терпеть. Их следовало остановить, не причинив им вреда.

Надо заморозить армейские подразделения Западного побережья и все пусковые установки, которые способны достать его тело. Ещё стоило заблокировать трансляцию со спутников наблюдения над Калифорнией. И, разумеется, надо разобраться с установками Перста Господня над калифорнийским горизонтом. Он уже чувствовал, как один из этих тяжёлых орбитальных лазеров на высоте в десять тысяч километров прицелился и начал заряжаться. У него было полно времени – две-три секунды – прежде чем рабочее тело накопит достаточно энергии для импульса, но эта угроза всё равно оставалась первоочередной. Мистер Скользки запустил усик сознания в крошечный бортовой процессор спутника – и отдёрнул, когда его обожгло. *Кто-то влез туда прежде него!* Не Эритрина и не военные колдунишки. *Кто-то*, превосходящий по силе даже его.

– *Эри!* Я нашёл его! – завопил он. Излучатель лазера смотрел на точку в десяти тысячах километров внизу, на крошечный домик, который через долю секунды вздуется плазменным шаром на конце пробившего атмосферу линейного взрыва.

В последнюю отпущенную ему секунду мистер Скользки бился и бился о преграду в бортовом процессоре – безуспешно. Он проследил её источник до сети низких спутников, до более крупных процессоров, закрытых так же надёжно. Теперь он ощущал природу своего противника – не явными образами, к которым он привык на Ином Плане, больше похоже на драку вслепую. Он чувствовал стиль. Враг старательно держался в тени, приоткрывшись лишь настолько, насколько требовалось для управления Перстом Господним в течение следующих нескольких сот миллисекунд.

Мистер Скользки ударил, пытаясь отсечь вражеские линии связи. Но противник оказался силён, намного сильнее его самого. Он смутно ощущал чужие связи с вычислительными мощностями в тех самых слепых зонах, которые они с Эритриной обнаружили пару минут назад. Но несмотря на всю эту мощь, они всё-таки были почти на равных. Врагу сильно недоставало воображения и оригинальности. Если бы Эритрина пришла на помощь, они бы справились!.. От Истинной Смерти его отделяли миллисекунды. Он огляделся в отчаянии. *Где же она?* Мониторинг сообщил о

разряде орбитального боевого лазера. Он сжался, его ускоренное восприятие отсчитывало микросекунды до окончательной гибели, он увидел облако плазмы, вспухшее на месте Перста Господня – *Перста, который был нацелен на него!*

Он понял, что произошло. Пока он боролся со скрытым врагом, Эритрина перехватила управление другого боевого

спутника, уже заряженного и готового к выстрелу, и устранила угрозу.

Не успел он почувствовать облегчение, как враг ударил снова, на этот раз традиционным способом, пытаясь отсечь мистера Скользки от каналов связи и вычислительных областей. Но теперь ему пришлось сражаться на два фронта, против Эритрины и мистера Скользки. Тут начала сказываться нехватка воображения и креативности, и несмотря на всё превосходство в грубой силе, враг начал подаваться, понемногу уступая ресурсы своим слабейшим противникам. Его действия кого-то смутно напоминали – мистер Скользки мог поклясться, что вспомнил бы, будь у него время.

Неожиданно враг отступил. На долгий миг они замерли в напряжённом противостоянии, как коты, выжидающие малейший признак слабости противника, чтобы снова ринуться в драку – разве что здесь новый удар мог прийти с десятков тысяч сторон, с любых узлов связи, из которых слагались их тела и сознания.

Эритрина выступила вперёд, удерживая противника в прицеле зелёных глаз.

– Знаешь, кто это, Скольз? – Она сосредоточилась на враге, почти дрожа от напряжения. – Это наш старый приятель DON.MAC, только непомерно раздутый и замаскированный.

Казалось, тот отшатнулся и попробовал закрыться ещё сильнее, но тут же сдался и начал проецировать образы. Перед ними стоял DON.MAC, всё с тем же лицом и телом робота «Плесси-Мерседес», что и обычно. DON.MAC, первый из последователей Почтаря, кого, по словам Эритрины, убили и заменили симулятором.

– И всё это время он же был и Почтарём! Персонаж, которого мы бы заподозрили в последнюю очередь, первая жертва Почтаря.

Взвизгнув моторами, ДОН выскочил на полметра вперёд и замахнулся гидравлическими кулаками. Но он не опроверг слова мистера Скользки, а вместо этого расслабился.

– Вы очень… сообразительны. Но вам помогли; я бы никогда не подумал, что вы станете сотрудничать с копами. Единственный расклад, который мог побить Почтаря, – он усмехнулся знакомой

механической гримасой. – Но, видите ли, это расклад с летальными генами. Между нами троими больше общего, чем между вами и правительством.

Только посмотрите. Если раньше мы были колдунами, то теперь мы боги. Смотрите! – по-прежнему удерживая его в поле внимания, они взглянули и туда, куда он указывал. Миллиарды жизней опять раскинулись перед ними с мириадов сторон. Но теперь многое изменилось. Они отобрали на свою борьбу почти все вычислительные мощности человеческой расы. Видео- и телефонные разговоры оборвались. Публичные базы данных протянули ровно столько, чтобы успеть заметить, что произошло нечто ужасное. Их последние заголовки, вышедшие перед самой кульминацией битвы, гласили: «ВЕЛИЧАЙШАЯ В ИСТОРИИ ПОТЕРЯ ДАННЫХ». Сотни миллионов людей уставились в пустые дата-панели, напуганные куда сильнее, чем их могла бы ужаснуть обычная пропажа электричества. Утраченные данные и потерянное рабочее время уже привели к серьёзной рецессии.

– На их счастье, древняя гонка вооружений давно позади, не то независимые военные группировки уже развязали бы мировую войну. Даже если мы вернём управление сию секунду, им понадобится больше года, чтобы привести дела в прежний порядок, – DON.MAC глупо ухмыльнулся – они уже видели эту же гримасу во время вчерашней болтовни с Лаймо. – Кое-кто уже умер. И это при том, что больницы и самолёты частично автономны.

Даже если и так… Мистер Скользки представил себе тысячи самолётов, забивших посадочные эшелоны аэропортов от Лондона до Крайстчёрча. Локальные компьютеры не успеют скоординировать столько безопасных посадок прежде, чем у некоторых закончится топливо.

– И это всего лишь отголоски нашей драки, – продолжал ДОН. – А пожелай мы навредить по-настоящему, мы бы наверняка уничтожили всё человечество. – Просто чтобы подчеркнуть свои слова, он взорвал три боеголовки в пусковых шахтах в Юте. Десятками наземных и орбитальных глаз мистер Скользки и Эритрина увидели, как кольца разрушений прокатываются по пусковым площадкам. – Подумайте: ну чем мы отличаемся от мифических богов? Как боги, мы сможем править и процветать, если не будем ссориться между собой. – Он перевёл выжидающий взгляд с мистера Скользки на Эритрину. Смуглое лицо Красной нахмурилось; казалось, её злая сосредоточенность на противнике нисколько не ослабела.

DON.MAC повернулся к мистеру Скользки:

– Скольз, ну уж ты-то должен понимать, что у нас нет других

вариантов, кроме сотрудничества. *Они знают твоё Истинное Имя!* Из нас троих твоя жизнь в наибольшей опасности, тебе нужно защищать своё тело от правительства, которое уже считает тебя предателем. Если бы не твои новые способности, ты бы уже дюжину раз умер за последнюю тысячу секунд.

И у тебя нет пути назад. Даже если ты, как примерный бойскаут, уничтожишь меня и честно вернёшься, они просто убьют тебя. Они знают, насколько ты опасен – пожалуй, даже опаснее меня. Они не решаться оставить тебя в живых.

Если отбросить похвальбу, он говорил чистую и страшную правду. Даже сейчас мистеру Скользки приходилось отвлекаться на небольшой диверсионный отряд, сброшенный в район Аркаты ещё до того, как правительство потеряло контроль над событиями. Их командиры поняли, с какой лёгкостью он может подменять их приказы, и дали бойцам инструкции игнорировать любые внешние команды, пока те не устранят некого Роджера Поллака. К счастью, они полагались на электронные карты со спутниковой навигацией, так что он водил их кругами. Это отвлекало и раздражало. Вскоре ему придётся принять более радикальные меры.

Но то, что сейчас всего лишь раздражало, станет быстрой и верной смертью, когда он вернётся к прежнему себе. Он взглянул на Эритрину. Не нашла ли она подтасовок в аргументах ДОНа?

Та почти зажмурилась, хмурясь всё сильнее. Он чувствовал, как она выделяет всё больше ресурсов на анализ каких-то структур. Интересно, она вообще хоть слушала, что говорил

DON.MAC? Но тут она открыла глаза, в которых светилось торжество:

– Знаешь, Скольз, я не припомню, чтобы симулятору личности хоть раз удавалось дурачить меня дольше нескольких минут.

Мистер Скользки кивнул, удивлённый сменой темы:

– Точно. Если болтать с симулятором достаточно долго, начинаешь замечать его ограниченность. Не думаю, что нам когда-нибудь удастся написать программу, способную пройти тест Тьюринга.

– Да, ограниченность и нехватка воображения – это верные признаки. Конечно, ДОН всегда притворялся программой, так что особой разницы не было. Но я уверена, что последние месяцы за его маской не скрывался никто живой…

…и я не думаю, что там кто-нибудь есть и теперь.

Мистер Скользки присмотрелся к DON.MAC'у. В ответ на обвинение тот только ухмыльнулся. Как-то фальшиво. Он припомнил странную неестественность боевого стиля ДОНа. Правда, стычка вышла слишком короткой, чтобы набрать достоверную статистику… Эри полагалась на интуицию и тот глубинный анализ, который сумела провести за последние секунды.

– Значит, самого Почтаря мы всё ещё не нашли.

– Верно. Это только его лучшая марионетка. Могу поспорить, что Почтарь просто взял шаблоны убитого DON.MAC'а и сложил из них этот защитный автомат. Почтарь не притворяется, его задержки ответа – взаправду. Это должно быть ключом к его тайне.

В любом случае, это сильно облегчает дело, – она хищно улыбнулась DON.MAC'у, словно живому человеку. – Ты почти принёс победу своему хозяину, ДОН. Ты нас почти убедил. Но раз уж мы тебя разгадали, будет несложно…

Её образ пропал, и мистер Скользки почувствовал, как ДОН хватается за освободившиеся ресурсы. Они снова сцепились за контроль над околоземными оружейными системами, которые Эри только что удерживала.

А в одиночку мистеру Скользки было не выстоять. Постепенно, понемногу он прогибался под напором противника, как борец, чьи кости трещат в смертельном захвате. Он мог только мешать ДОНу поджарить его дом, а ради этого приходилось шаг за шагом поступаться вычислительными ресурсами.

Эритрина пропала, исчезла начисто. Или нет? Он отщепил на поиск нить своего внимания, тончайшую паутинку, которая всё

ещё была сильнее любого колдуна. Эта нить быстро нащупала отключение электросети в южном Род-Айленде. Сбой данных повлёк за собой немало таких отключений за последние минуты, но это было особенным. Пропало не только электричество, но и независимые линии связи, и теперь даже он не мог их оживить. Этот район оказался настолько изолирован, что такое никак не могло выйти случайно.

…но тут пробился едва различимый голос, узкая телефонная линия в реках данных, которые текли через него. *Эритрина!* Каким-то чудом она отыскала окольный маршрут наружу.

Он всмотрелся в тёмный пригород Провиденса. Отключённая зона покрывала несколько застроек, в сумме около сотни тысяч жилых блоков. Где-то там жил человек, который был Эритриной. Пока она сосредотачивалась на DON.MAC'е, тот, должно быть, так же старательно выискивал её Истинное Имя. Но даже сейчас ДОН ещё не знал его точно – лишь настолько, чтобы отключить весь район, где она жила.

Думать становилось всё труднее; DON.MAC методично разбирал его. Намерения ДОНа были очевидны: как только мистер Скользки достаточно уменьшится и ослабеет, орбитальные лазеры испарят сначала его тело, а затем и Эритрину. И тогда верный вассал Почтаря единолично завладеет всепланетным королевством, чтобы преподнести его своему таинственному сюзерену.

Он прислушался к тихому голоску, всё ещё пробивавшемуся из Провиденса. Смысла в её речах было немного – сплошные паника с истерикой. Удивительно ещё, что она вообще могла говорить; обрыв всех компьютерных линий, который она только что пережила, равнялся обширному инсульту. Мир для неё сжался до ширины замочной скважины, стал обрывочным, смутным и непонятным.

– У нас есть шанс, ещё не всё потеряно, – сбивчиво и поспешно твердил голос. – Старая военная ретрансляционная вышка к северу. Чёрт. Я не знаю ни номера, ни сетки, но она у меня прямо за окном. С неё ты пробьёшься к антенне на крыше… канал широкий, а у меня тут батареи… только *быстро!*

Подгонять и не требовалось; это *его* тут жрали заживо. Противник уже почти обездвижил его, выдавливая и удушая там, где не мог рвать и резать. Он судорожно дёрнулся под тяжестью ДОНа и дотянулся до ретрансляторов к северу от Провиденса. Только один из них находился в зоне видимости затемнённого района. Его поворотная антенна давала очень, очень узкий луч.

– Эри, мне нужен номер твоего дома, может быть даже номер антенны!

Прошла секунда, другая – целая эпоха адских мучений для мистера Скользки. В сущности, он спросил её Истинное Имя – он, который уже висел на крючке у федов. Как только он вернётся в реальный мир, эти сведения уже никак от них не скрыть. Он отлично понимал её чувства: больше никогда никакой свободы. На её месте он бы тоже замялся, но…

– *Эри!* Истинная Смерть нам обоим, если ты не скажешь! Он достал меня!

На этот раз она не медлила:

– Д-Дебби Чартерис, улица Гросвенор, 4448. Это всё, номера антенны я не знаю. Моего имени и адреса тебе хватит?

– Да. Жди, я сейчас!

Слова ещё не отзвучали, когда он нашёл это имя среди арендаторов антенн и нацелил военный передатчик. Соединение установилось, и он снова сосредоточился на DON.MAC'е. Кажется, враг даже обратил внимания на этот разговор. Должно быть, он уже расслабился.

Мистер Скользки сделал выпад и выбил коммуникационные узлы, общие для них обоих. ДОН дёрнулся, перестраиваясь вокруг оставшихся ресурсов, и снова навалился на мистера Скользки. Поскольку ДОН был сильнее, размен обошёлся мистеру Скользки пропорционально дороже. Враг пошатнулся, но теперь конец наступит очень скоро.

Волшебные пространства вокруг него, прежде столь богатые невиданными цветами и деталями, тускнели, уступали место ощущениям его истинного тела, скрученного животным ужасом в калифорнийском домике. Связь с великим миром почти иссякла. Он едва заметил, как ДОН опять навёл на него Перст Господень…

…Сознание, прежнее сверхчеловеческое сознание вернулось почти неощутимо, незаметно, пока расширенные чувства не нахлынули внезапной волной. Мистер Скользки неуверенно осмотрелся, как больной, очнувшийся от комы, ещё не вполне осознавая, что борьба продолжается.

Но теперь они поменялись ролями. DON.MAC'а застигли врасплох, когда он добивал, как ему казалось, своего последнего врага. Эритрина использовала всё преимущество внезапности, ударив из японского дата-центра и уничтожив большинство зон высшей мотивации ДОНа прежде, чем тот даже заметил её. Огромные ничейные процессорные области рассыпались повсюду, и мистер Скользки быстро подобрал всё, до чего дотянулся.

Даже теперь ДОН побил бы их поодиночке, но когда мистер Скользки снова бросился в битву, перевес оказался на их стороне. DON.MAC тоже это понял, и с идиотской наглостью завёл старую пластинку:

– Ещё не поздно! Почтарь даже теперь вас простит!..

Мистер Скользки и Эритрина вцепились во врага с разных сторон, отключая связи, данные и процессорные ресурсы целыми блоками. Они аннулировали его доступ к широкополосным ретрансляторам и один за другим сбрасывали его запросы к низколетящим спутникам. ДОНа заперли в наземных линиях, приковали к единственной военной сети, растянутой от Вашингтона до Денвера. Он шатался и наугад размахивал всеми средствами уничтожения, которые ещё оставались в его власти. По всей центральной части США взрывались пусковые шахты, противобаллистические лазеры нарезали небо. Начало их драки остановило мир; окончание грозило разорвать его в клочья.

Удары врага почти не причиняли вреда мистеру Скользки и Эритрине, а шансами серьёзно пострадать от шального выстрела можно было пренебречь. Они углубились в разборку DON.MAC'а, не обращая внимания на царапины. Они нашли объектный код симулятора, который был ДОНом, и обнулили его. ДОН – или его создатель – предусмотрительно разместил повсюду множество

резервных копий, так что уничтожение очередной будило следующую. Но с каждой минутой ресурсы симулятора таяли. Теперь от него осталось не больше, чем когда-то было в Ковене.

– *Глупцы!* Почтарь – ваш естественный союзник. Феды вас *убьют*! Как вы не понима…

Голос оборвался на полувопле, когда Эритрина обнулила очередную копию симулятора. Следующая не пришла ей на смену. Наступили тишина и… пустота… повсюду. Эритрина и мистер Скользки переглянулись и продолжили обыск вражеской территории. Пространство данных было огромным, там хватило бы места для гораздо большего числа скрытых копий ДОНа. Но без ресурсов, которые они отобрали, симулятор был бессилен. Никакая действенная засада не могла крыться в этих недвижных руинах.

И у них остались полные копии DON.MAC'а для изучения. С ними было несложно в точности проследить заражение. Они методично прошлись по системе, очищая и исправляя всё, что находили, возвращая функциональность к изначальным замыслам программистов. Они справились так хорошо, что не оставили федам никаких намёков на то, насколько глубоко Почтарь со своими приспешниками забрался к ним, насколько он был близок к абсолютному господству.

Большинство областей были затронуты едва-едва и требовали только незначительных правок. Но в глубинах военной сети крылись сотни терабайт непонятной программы, связанной с действиями ДОНа множеством ссылок. Безусловно, это был объектный код, но настолько раздутый и плохо организованный, что даже они не разобрали, осталось ли в этой мешанине хоть что-то функциональное. Так или иначе, он наверняка не служил никаким легитимным целям; после секундного раздумья они рандомизировали его.

И наконец всё закончилось. Мистер Скользки и Эритрина остались одни. Им принадлежали все без исключения вычислительные мощности на Земле и в её окрестностях. Не осталось ни единого места, где враги могли бы затаиться. И никаких следов хоть какого-то вмешательства извне.

Впервые после того, как они достигли этого уровня, они смогли спокойно изучить весь мир. (Он едва замечал непрестанные жалкие попытки американских военных убить его реальное тело.) Мистер Скользки осмотрелся всеми своими миллионами органов чувств. Земля безмятежно плыла в пространстве. В видимом диапазоне она выглядела в точности так же, как все те тысячи фотоснимков, которые он видел, будучи человеком. В ультрафиолете за ней на тысячи километров

тянулся водородный шлейф. Спутниковые детекторы высоких энергий различали тысячи энергетических уровней в радиационных поясах, колеблющихся на солнечном ветру. Он ощущал тепло течений во всех океанах мира, чувствовал их напор. И одновременно он слышал миллионы голосков, возвращавшихся к жизни по мере того, как они с Эритриной осторожно поднимали на ноги оступившиеся коммуникации человеческой расы и мягко запускали их снова. Каждый корабль в море, каждый благополучно садящийся самолёт, каждый кредит и платёж, все завтраки, обеды и ужины человечества чётко отражались в разных уголках его сознания. Вместе с восприятием пришла и власть; почти всё, что он видел, он мог изменить, уничтожить или улучшить. В образной системе ковенов их можно было назвать только одним словом: они стали богами.

– …мы могли бы править, – в сдавленном голосе Эритрины звучало потрясение. – Поначалу будет непросто сохранить наши тела, но мы справимся.

– Но всё ещё остаётся Почтарь…

Она отмахнулась.

– Может быть да, а может и нет. Верно, мы ни на шаг не

приблизились к разгадке его тайны, но мы выбили из-под него все процессорные мощности. Пускай только попробует снова заползти в Систему – мы тут же узнаем. – Она пристально всмотрелась в него, и он не сразу понял, что она что-то замышляет.

Она говорила чистую правду: пока их тела будут живы, они смогут править. И DON.MAC тоже был прав: они стали величайшей угрозой, с которой «силы порядка и закона» когда-либо сталкивались, включая Почтаря. Разве могут феды отпустить их с миром, разве могут хотя бы *оставить их в живых*, если они откажутся от своих нынешних возможностей? Но…

– Множество людей погибнут, если мы встанем во главе. На Земле ещё осталось немало независимых военных группировок, которые придётся запугивать ядерными ударами, по крайней мере поначалу.

– Ага… – её голос стал ещё тише, а образ лица склонился, пряча глаза. – Я промоделировала это за последние секунды. Нам бы пришлось уничтожить от четырёх до шести крупных городов. А если где-то остались укрытые от нас командные центры, то будет ещё хуже. И нам придётся набрать собственную человеческую тайную полицию, потому что люди начнут действовать в обход нашей системы… Чёрт. В итоге мы станем ещё хуже, чем человеческое правительство.

Она увидела по его лицу, что он пришёл к тем же выводам, и криво усмехнулась:

– Ни ты, ни я на это не пойдём. Так что государство опять выиграло.

Он кивнул и легко коснулся её. Они позволили себе ещё минуту купаться в высшей реальности, а затем молча расстались и направились вниз, каждый своей дорогой.

Спуск в обыденную человечность не был мгновенным. Мистер Скользки тщательно подготовил безопасный выход. Он набросал сложную систему обманок для отряда, который тянулся к его физическому телу; они найдут его не раньше, чем через несколько часов – правительство сможет отозвать их куда быстрее. Он провёл предварительные переговоры с федеральными программами, которые изо всех сил старались перехватить у него контроль, убедив их в своём твёрдом намерении сдаться в обмен на гарантии безопасности его физического тела и свободу передвижения. Через несколько секунд он опять начнёт говорить с людьми, наверное даже с Вирджинией, но до тех пор ещё множество базовых правил отработают автоматически.

В соответствии с договором о перемирии он начал закрывать одну за другой свои так недавно обретённые способности. Это

было всё равно что останавливать уши, ослеплять глаза, и хуже всего – понемногу отказываться от самой способности мыслить. Словно жертва самодеятельной лоботомии, которая даже больше не понимает, что же утратила. За ним по пятам следовали федеральные силы, старательно перекрывая доступ к только что освобождённым областям, чтобы подстраховаться на тот случай, если он вдруг передумает.

Ужасно далеко, как он теперь смутно чувствовал, Эритрина проходила через такую же процедуру, только медленнее. Странно; он уже не мог быть ни в чём уверен, но казалось, что она специально медлит и делает что-то ещё сверх подстраховок для возвращения к человечности. А потом он вспомнил, с каким странным выражением лица она говорила, что они так и не разгадали Почтаря…

Там, где могли править двое, сможет и один!

Внезапный приступ паники ошеломил его, а ужаснее всего была мысль о предательстве той, которой он так доверял. В отчаянии он ударился о стены, которые только что позволил возвести за собой, но было уже поздно. Он уже стал слабее федов. Мистер Скользки беспомощно оглянулся в сгущающейся тьме, и увидел…

…Эри, нисходящую в реальный мир вместе с ним, отказывающуюся ото всех преимуществ, которые могла бы оставить за собой. Что бы ни задержало её, предательства в этом не было. И почему-то он почувствовал облегчение не столько от того, что избежал смерти – а от того, что не ошибся в Эри.

В последнее время он досыта насмотрелся на Вирджинию – само собой, не в романтической обстановке. Её команда обосновалась в Аркате, и дважды в неделю она наведывалась к нему в гости с кем-нибудь из своих головорезов. Эта правительственная операция была из тех немногих, которые велись лицом к лицу. То ли она сама, то ли её начальство поняли, насколько телефон уязвим для жульничества. (И они были правы. Поллак, например, мог за пару недель соорудить телефонного робота, а сам – с поддельными удостоверениями и привилегированными пропусками – улизнуть самолётом в Джакарту.) На первый взгляд, эти встречи во многом повторяли тот первый весенний визит:

Поллак отступал к двери и смотрел, как чёрный «Линкольн» притормаживает на повороте. Как всегда, машина заезжала под навес. Как всегда, водитель выходил первым и смеривал Поллака холодным взглядом. Как всегда, Вирджиния двигалась с военной выправкой (как он выяснил, она и в самом деле попала на

нынешнюю должность с военной службы). Парочка целеустремлённо шагала к домику, не обращая внимания ни на летнее солнце, ни на влажную зелень соснового леса и лужайки. Он придерживал перед ними открытую дверь, и они молча и высокомерно входили. Как всегда.

Он усмехнулся про себя. Можно сказать, что ничего и не изменилось. Его жизнь и смерть по-прежнему оставались в их руках. Они по-прежнему могли отрезать его от всего, что он любил. Но в остальном…

– Сегодня, Поллак, у меня для вас лёгкое дело, – сказала она, раскладывая на кофейном столике свой чемоданчик и включая дата-панель. – Но вам оно, наверное, не понравится.

– Даже так? – он уселся и выжидающе уставился на неё.

– За последнюю пару месяцев вы по нашему требованию устранили остатки Почтаря и вернули в строй Национальные программы и базы данных…

Угроза Почтаря по-прежнему маячила за всеми решениями. И через десять недель после битвы – Войны, как звала её Вирджиния – общественность знала только то, что Система подверглась масштабному вандализму, но, как и большинство войн, эта тоже оставила немало руин с обеих сторон. За прошедшие после битвы месяцы правительство США и мировая экономика соскользнули ещё ближе к хаосу. (Без их с Эритриной помощи американские бюрократии вряд ли вообще пережили бы Почтарскую Войну. Он не был уверен, спасли они этим Америку или предали.) А что же враг? Его силы почти наверняка уничтожены. За последние три недели мистер Скользки нашёл всего одну копию программного ядра бывшего DON.MAC'а, да и ту нерабочую. Но стоявший за Почтарём человек – или существа – по-прежнему оставался загадкой. В этом вопросе Вирджиния, правительство, да и сам Поллак были осведомлены не лучше широкой общественности.

– Теперь, – продолжала Вирджиния, – пришло время разделаться, так сказать, с проблемами помельче. Почти два десятилетия мы были вынуждены мириться с тупым вандализмом безответственных лиц, которые ставят свои мелочные интересы превыше общественных. Теперь, раз уж мы располагаем вами, мы планируем это прекратить.

Мы требуем предоставить нам Истинные Имена всех нарушителей, пребывающих ныне в Системе, в особенности членов так называемого Ковена, в котором вы состояли.

Он ожидал, что ему рано или поздно предъявят это требование, но приятнее от этого оно не стало.

– Сожалею, но этого я сделать не могу.

– Не можете? Или не хотите? Не забывайте, Поллак, цена

вашей свободы – игра по нашим правилам. Своими преступлениями вы уже заслужили пожизненный срок. Как мы оба знаем, вы настолько опасны, что вас действительно следует изолировать. И кое-кто не настолько мягкосердечен, как я. Они просто мечтают видеть вас и вашу девушку из Провиденса окончательно и бесповоротно мёртвыми, – она высказалась равнодушно-грубо, как обычно, но взгляда не подняла. С тех пор, как он вернулся из битвы, в её напыщенные тирады закралась тень неуверенности.

Она старалась это скрывать, но Поллак ясно видел, что она колебалась: то ли бояться его, то ли уважать, то ли и то, и другое вместе. Так или иначе, она разглядела в нём глубину; он думал, ей не хватит на это воображения. А ведь Роджер Поллак как человек почти ничем не выделялся. Он чувствовал себя не более чем шелухой того, кем когда-то был, а теперь мог только фантазировать о том, что едва помнил.

Почти сочувственно Роджер улыбнулся:

– Я действительно не могу, Вирджиния, но я и *не стал бы*. И не думаю, что мне за это что-то будет… Дайте мне договорить! Сильнее нас с Эритриной ваши боссы боятся только одного: что вдруг объявится ещё кто-нибудь такой – да хотя бы и сам Почтарь, если он вдруг вернётся. Мы с ней – ваши единственные эксперты по этому виду подрывной деятельности. Думаю, что вы не решитесь натаскать собственных агентов нам на замену, даже если бы и могли. Чем параноидальнее служба безопасности, тем меньше она способна доверять хоть кому-нибудь с такими возможностями. А мистер Скользки и Эритрина – известные факторы: эксперты, которые *не преступили черту*. Между Властями Предержащими и Властями Возможно Пребудущими тогда стояла только наша самодисциплина.

На секунду Вирджиния онемела. Её новое отношение к нему подверглось серьёзному испытанию. Всю жизнь её учили, что власть развращает; понимание того, что он отказался от мирового господства по своей воле, выбило её из колеи.

Наконец она ответила с мимолетной улыбкой, которую он едва успел заметить:

– Ладно. Я передам ваши слова. Может, вы и правы. В дальней перспективе вандалы угрожают основам американских свобод, но в повседневной жизни они только раздражают. Моё руководство – Министерство соцобеспечения – вероятно, предпочтёт бороться с ними прежними методами. Они стерпят ваше… э… неповиновение *по этому конкретному вопросу*, покуда вы с Эритриной преданно защищаете нас от сверхчеловеческих угроз.

Поллак облегчённо расслабился. Он всерьёз боялся, что МС растопчет его за этот отказ. Ну а поскольку феды никогда не избавятся от ужаса перед Почтарём, то и их с Дебби Чартерис – Эритриной – никогда не заставят предать своих друзей.

– Но, – продолжила фемкоп, – это не значит, что мы можем игнорировать ковены. Скорей всего, новые сверхчеловеческие угрозы всплывут именно там. Вандалы обладают наилучшим практическим знанием Системы – даже армии пришлось это признать. А если сверхчеловеческая личность и возникнет вне ковенов, её самомнение заставит её покрасоваться перед колдунами, как это случилось с Почтарём.

В дополнение к прочим вашим обязанностям, мы хотим, чтобы вы проводили по паре часов в неделю в других значительных ковенах. Вы останетесь одним из «своих парней» – только под нашим ответственным контролем – и будете высматривать проявления сил, подобных Почтарю.

– Я снова повстречаюсь с Эри!

– Нет. Этот запрет остаётся в силе. Радуйтесь, что так вышло – не думаю, что мы бы потерпели ваше существование, не окажись вас двое. Если вы будете выходить на Иной План строго по очереди, у нас всегда останется одно оружие в резерве. Покуда вы не сможете встречаться, вы не сможете и сговориться против нас. Я это серьёзно, Роджер: если мы застукаем вас или ваших заместителей вместе на Ином Плане, это будет конец всему.

– Хмм…

Она строго посмотрела на него, но приняла это как молчаливое согласие. Следующие полчаса они посвятили уточнению задач на эту неделю. (На Ином Плане вышло бы скорее, но Вирджиния – или инструкция МС – была романтически привязана к прошлому.) Ему следовало продолжать работу над записями гражданского страхования и обследование южноамериканских сетей данных. Работа предстояла грандиозная, в особенности с теми ограничениями, которые феды на него наложили. Вряд ли выйдет наладить механизмы соцобеспечения раньше октября. Но к выборам они как раз уложатся [6].

Затем, в конце недели, ему следует посетить Ковен. Роджер уже считал часы; он так давно не бывал там…

Вирджиния оставалась прежней собой, собранной и деловитой, пока они с водителем не собрались уезжать. Но выйдя под навес, она почти застенчиво призналась:

– Я прошла вашу «Анну Болейн» [7] на прошлой неделе… Это действительно чудесно.

– Вы как будто удивлены.

– Нет. В смысле да, наверное. Собственно, я прошла её несколько раз, в основном от лица Анны. В других играх соучастия, которые я читала, не было такой глубины. Мне даже показалось, что я как-нибудь смогла бы остановить Генри и сохранить голову на плечах!

Поллак расплылся в улыбке. Только представить, как Вирджиния, коп с суровым взглядом, садится читать «Анну», чтобы вникнуть в психологию своего подопечного правонарушителя – и постепенно увлекается сюжетом романа.

– Это возможно.

В сущности, она даже могла бы как-нибудь стать приятным человеком.

А на обратном пути к дому Поллак уже и думать забыл о Вирджинии. Он возвращается в Ковен!

Промозглый туман, почти что мелкий дождь, хлестал по склону холма; его летящие космы не давали ничего разглядеть вдалеке. Но даже отсюда, с пригорка над болотом, было видно, что замок изменился: стал тяжелее, мощнее, мрачнее.

Мистер Скользки зашагал вниз по знакомому спуску. Жаба на плече ощутила его тревогу и вонзила коготки глубже в кожу камзола. Её жёлтые глазки сновали туда-сюда, подробно записывая всё вокруг. (Надо признать, эта жаба заметно продвинулась – уже почти превзошла нынешних новичков.) Ловушки изменились. Всего за десять недель после Войны Ковен

перестроил их сильнее, чем за прошлые два года. То и дело ему приходилось стряхивать капли с лица и внимательно всматриваться то в кусты, то в придорожные булыжники. Он продвигался медленно, кружными путями, творя чары руками и голосом.

И вот он встал перед башнями. Чёрно-багровая фигура выбралась навстречу из пылающего рва. Даже Алан, и тот изменился: не стало ни асбестовой футболки, ни веселья в перепалке с гостем. Мистеру Скользки приходилось задирать голову, чтобы не упускать взгляда этой массивной башки. Элементаль окатил их расплавленным камнем, и жаба забилась за шиворот, прижавшись к шее холодным склизким телом. Пароли изменились, расспросы стали злее, но мистер Скользки с честью выдержал испытание. Через несколько минут Алан угрюмо вернулся в свой дымящийся ров, а для них опустили подъёмный мост.

Зал почти не изменился, разве что стал суше и светлее. Народу прибавилось, и все они обернулись, едва он показался в дверях. Мистер Скользки отдал дорожный камзол и шляпу ливрейному лакею и пошёл вниз по ступеням, присматриваясь к новым лицам, прислушиваясь к напряжённой враждебной атмосфере.

– Липко!

Лаймо протолкался к нему сквозь толпу, всё с той же знакомой ухмылкой поперёк бородатого лица.

– Скольз! Взаправду ли тебя я вижу? – Учитывая обстоятельства, вопрос отнюдь не риторический.

Мистер Скользки кивнул. Замявшись, Лаймо кивнул в ответ, почти бегом преодолел разделявшее их расстояние, протянул руку и хлопнул его по плечу:

– Ну-ка, пойдём-ка! Нам есть, о чём поговорить!

Словно по сигналу, остальные вернулись к своим беседам, больше не обращая никакого внимания на двоих друзей, которые направились в одну из смежных малых гостиных. Мистер Скользки словно вернулся в старую школу через десять лет после выпуска. Почти ни одного знакомого лица, и такое чувство, будто ему никогда уже не стать тут своим. А ведь прошло всего десять недель, не десять лет.

Липко Лаймо захлопнул тяжёлую дверь, приглушив звуки главного зала. Он махнул Скользу на кресло и устроил целое шоу из приготовления пары коктейлей.

– Все они – симуляторы, правда? – тихо спросил Скольз.

– А? – Лаймо запнулся посреди потока болтовни и хмуро

покачал головой. – Нет. Не все. Я набрал человек пять учеников. Они вовсю стараются навести тут людный и процветающий вид. Видал наши новые укрепления?

– Да. Выглядят мощно, но больше для вида, чем на самом деле.

Липко пожал плечами:

– Я и не думал провести кого-то вроде тебя.

Мистер Скользки наклонился вперёд.

– Кто же остался от нашей старой компании, Липко?

– ДОН пропал. Почтарь пропал. Уайли Дж. Бастард заходит пару раз в месяц, но он теперь совсем не прикольный. Эритрина всё ещё где-то в Системе, но сюда не заглядывает. Я думал, что и ты тоже пропал.

– А Робин Гуд?

– Пропал.

Вот и все лучшие чародеи. Вирджиния Жаба мало что потеряла, когда позволила ему не предавать Ковен. Скользу показалось, что застывшая безгубая жабья улыбка отдаёт самодовольством.

– Что произошло?

Тот только вздохнул.

– Реальный мир валяется в депрессии, если ты не заметил. А свалили всё на нас, вандалов…

…Ну да, это всё равно не объясняет, куда делся Робин, разве что младших колдунов. Боюсь, Скольз, почти все наши старые друзья уже Истинно Мертвы – или до Истинной Смерти боятся вернуться на этот План.

История повторялась.

– А ты сам как думаешь?

Лаймо склонился к нему:

– Скольз, ясное дело, что правительство кормит нас дерьмовыми враками о причинах депрессии. Сочетание программных ошибок с работой каких-то вандалов, говорят они. Но мы-то знаем, что это не так. Никакому вандалу такое не под силу. Сразу после краха Системы я глянул, что осталось от федских баз данных. Что бы там их ни порвало, оно было круче любого вандала. И я поболтал… ладно, выбил кое-что из Уайли. Знаешь, то, что случилось в реальном мире и на этом плане, тянет на последствия крупной долбаной войны.

– Между кем?

– Между сущностями настолько выше меня, насколько я выше обезьяны. Мы знаем их под именами Почтаря, Эритрины… и, с шансами, мистера Скользки.

– Меня? – Скольз напрягся и прозондировал линии связи,

проецирующие образ перед ним. Даже на привязи мистер Скользки значительно превосходил любого обычного колдуна, так что оценить силу этого потенциального противника должно бы было быть несложно. Но Лаймо казался просто разрежённым облаком. Скольз не мог определить, был ли противник равен ему; он вообще ничего не мог сказать о его силе, что уже само по себе внушало трепет.

Лаймо, кажется, ничего не заметил.

– Ну, так я думал. Теперь сомневаюсь. Может, настоящие бойцы просто прикрывались тобой, как Уайли и ДОНом. А ещё я вижу, что ты теперь у *кого-то* в рабстве.

Он ткнул пальцем в желтоглазую жабу на плече у мистера Скользки. Капля виски слетела с кончика пальца прямо на морду твари. Вирджиния – или кто там управлял земноводным – растерялась и замерла, но быстро очнулась и дохнула бледным язычком пламени.

Лаймо расхохотался.

– Но смыслят они немного. Это феды, верно? Что случилось? Они высмотрели твоё Истинное Имя, или ты просто продался?

– Это просто мой фамилиар, Липко. Не ты один берёшь учеников. Если ты и правда думаешь, что мы феды, зачем ты нас впустил?

Тот пожал плечами.

– Враги бывают разные, Скольз. Когда-то мы звали правительство Великим Врагом. Теперь они только одна дрянь из целой кучи. Крах пережили только сильнейшие из нас, самые серьёзные. Мы больше не играемся в «как всё криво». Теперь мы готовим учеников гораздо методичнее. Мы больше не шутим. Если мы говорим о предателях в Ковене, то это должно быть настоящее предательство, дело жизни и смерти.

Но это всё пустая болтовня. Если мы не сумеем защититься, когда дойдёт до дела, нас, жалких человечков, просто сожрут – или правительство, или… те другие сущности, куда пострашнее.

Жаба нетерпеливо дёрнулась на плече мистера Скользки. Можно было представить, как Вирджиния рвётся выступить с речью о выгодах соблюдения законов общества с целью получения защиты. Он похлопал её по холодной бородавчатой спине; сейчас было не время для таких речей.

– Твоя голова была тут одной из самых светлых, Скольз. Пускай ты больше не один из нас, я всё равно не держу тебя за врага: вы с твоим… приятелем можете разделять кое-какие из наших интересов. Кое о чём тебе следует знать, если ты сам ещё не узнал. Может, ты и нам однажды поможешь.

Скольз почувствовал, что федеральная привязь слабеет. Должно быть, Вирджиния убедила начальство, что тут действительно следовало помочь.

– Ладно. Ты многое угадал. Война действительно была. Почтарь был врагом, но проиграл, а мы теперь пытаемся починить всё обратно.

– Э, старина, в том-то и дело! *Война ведь ещё не закончилась*. Верно, от Почтарских творений остались только воронки по программным областям правительства. Но что-то такое всё ещё живо, – он заметил недоверие на лице мистера Скользки. – Знаю, знаю, вы с новыми друзьями куда круче нас всех. Зато нас много – не только в Ковене – и за последние десять недель мы многое видели. Появились знамения, такие лёгкие и переменчивые, как ветерок, но они говорят нам, что какая-то тварь вроде Почтаря всё ещё жива. На ощупь это не Почтарь, но оно там есть.

Мистер Скользки кивнул. Дальнейшие пояснения ему не требовались. *Чёрт! Не будь я на привязи, я бы сам почуял это ещё недели назад, а не узнавал теперь из вторых рук*. Он припомнил те последние минуты нисхождения из божественности и поёжился. Он знал, о чём следует спросить, и предчувствовал, что ответ ему не понравится. Вирджинии не стоило его слышать. Придётся сильно рискнуть, но ведь МС ещё не видало всех его трюков. Он прощупал линии связи, ведущие назад в Аркату и округ

Колумбия, ощутил взаимные связи между ними и протоколы коррекции ошибок. Пожалуй, достаточно будет подправить всего несколько сотен бит за пару ближайших секунд.

– Ну и кто за этим кроется, как ты думаешь?

– Одно время я думал, что ты. Но вот я тебя увидел и, э, кое-что проверил. Ты был могуч в прежние времена, а теперь будешь и посильнее меня, но ты не супермен.

– А может, я притворяюсь.

– Можешь, но вряд ли, – Лаймо подходил к критическим словам, которые следовало исказить. Скольз начал корректировать коды избыточности в потоке данных, идущем через жабу. Чтобы его не поймали на жульничестве, следовало подделать запись и до, и после этих слов. – Нет, там чувствуется другой стиль. Стиль, который напоминает мне одного старого друга… РЭорбиитнрГиундуа. – Именем, которое он произнёс, а мистер Скользки услышал, было «Эритрина». А вместо него жаба услышала и передала имя «Робин Гуд».

– Хмм, а ведь вполне возможно. Он всегда был жаден до власти. – Лаймо приподнял бровь, услышав мужской род. К тому же Робин был фантастически умным вандалом, а не охотником за властью. Липко стрельнул взглядом в сторону жабы, и мистер Скользки взмолился, чтобы тот подыграл ему. – Думаешь, он так же опасен, как и Почтарь?

– Кто его знает. Присутствие не такое вездесущее, как было при Почтаре, а после краха мы недосчитались много кого. И я не уверен, что… он… там единственный. Почтарь тоже может болтаться поблизости.

И ты не можешь понять, кого же я на самом деле вожу тут за нос, да?

Они проговорили ещё полчаса – чокнутое фехтование вдвоём за троих. С одной стороны, они с Лаймо старались обменяться информацией так, чтобы жаба не услышала. С другой, Липко Лаймо прощупывал, не стал ли Скольз настоящим врагом, а жаба – возможным союзником. А мистер Скользки и сам не был уверен в ответе на этот чёртов вопрос.

Липко проводил его до подъёмного моста. На гравированных керамических плитах они задержались, чтобы сказать ещё несколько слов на прощание. Алан плескался внизу, подозрительно поглядывая на них. Туман перешёл в мелкий дождь, шипевший на лаве.

Наконец Скольз сказал:

– Кое в чём ты прав, Липко. Я действительно в рабстве. Но я всё же попробую отыскать Робин Гуда. Если ты угадал, то у тебя станет на пару союзников больше. А если он окажется слишком

силён, то ты меня уже больше никогда не увидишь.

Липко Лаймо кивнул. Скольз мог только надеяться, что тот понял истинный смысл сказанного: он пойдёт к Эри в одиночку.

– Тогда, старина, я не прощаюсь.

Скольз отправился обратно в долину, чувствуя спиной, что Лаймо провожает его не таким уж и недружелюбным взглядом.

Как найти её, как поговорить с ней? В смысле – так, чтобы пережить эту встречу. Вирджиния запретила ему – буквально под страхом смерти – встречаться с Эри на этом плане. И даже если бы он сумел тайком нарушить запрет, всё равно остаётся смертельный риск, но уже по другой причине. Чем там занималась Эри в те минуты, когда позволила ему спуститься на человеческий план первым, а сама задержалась? Тогда он испугался предательства, но выжил и со временем забыл о загадке. Теперь он снова задумался над ней. Ему уже не понять тех минут во всей их полноте. Может быть, она поначалу ослабила себя, чтобы заманить его в начало спуска, а потом ей не хватило сил на повторный захват? Возможно ли такое? А теперь она постепенно, втайне собирает силы, совсем как Почтарь до неё? Он не хотел этому верить. Стоит Вирджинии только услыхать о его сомнениях, как феды тут же убьют Эритрину без суда и следствия.

Надо как-нибудь обойти Вирджинию и сойтись с Эри – сойтись так, чтобы он смог уничтожить её, если она и вправду стала новым Почтарём. Но ведь *был такой способ!* Он едва не рассмеялся: это было просто нелепо и до нелепости просто, и вполне могло сработать. Пока все смотрят на этот план, где сила и магия сами идут в руки, он нападёт из низшего, неволшебного реального мира!

Оставалось только одно колдовство, которое предстояло укрыть от Вирджинии, кое-что абсолютно необходимое для встречи в Эритриной в реальном мире.

Он достиг вершины холма и направился вниз по склону к болотам. Даже полностью погружённый в свои мысли, он безошибочно отзывался на запросы. Сторожевые духи почти не интересовались теми, кто шли прочь от замка. Когда мокрый кустарник сомкнулся вокруг них, знакомый чёрно-красный паук – или его собрат – спрыгнул и закачался перед ними.

– Берегись, берегись! – пропищал он. Скольз помнил, какой ответ соответствует золотистым прожилкам на брюшке: поднять левую руку и смахнуть паука в сторону. Вместо этого он поднял правую руку и ударил тварь.

Со тихим визгом паук отлетел кверху и спикировал назад к шее Скольза – прямо на жабу. Сцепившись в драке – бледное пламя против яда – они скатились наземь. Оборачиваясь на помощь жабе, мистер Скользки незаметно слил часть внимания с линией данных спортивного магазина в Монреале. Заказ прошёл; сегодня же днём одна особенная посылка окажется среди почты

на Бостонском интернациональном железнодорожном терминале.

Скольз устроил показательное избиение паука. Судя по тому, как спокойно жаба вернулась к нему на плечо, он сумел перехитрить Вирджинию, как и планировал. Перехитрить Эри – дело куда менее предсказуемое и куда более опасное.

Если это был типичный день, то июльский Провиденс мало чем отличался от ада. Роджер Поллак вышел из подземки на углу квартала застроек, так что до намеченной высотки пришлось отшагать ещё без малого четыре сотни метров. Его рубашка промокла от пота сверху донизу. Содержимое посылки, которую он подобрал на железнодорожной станции в аэропорту, оттягивало правый карман пиджака и на каждом шагу билось о бедро, напоминая ему, что день предстоял жаркий во всех смыслах.

Поллак торопливо пересёк пышущую зноем площадку и пошёл вдоль края тени, которую высотка отбрасывала на полуденном солнце. Вокруг толклись местные жители всех возрастов; горячий, влажный и неподвижный воздух нисколько их не беспокоил. Похоже, что привыкнуть можно почти ко всему.

Даже к лету среди застроек Провиденса. Поллак ожидал, что здания окажутся более гнетущими. Все, кто могли, селились в пригородах и работали с данными удалённо. Конечно, некоторые и тут пользовались дата-панелями, так что они тоже считались удалёнными работниками. Многие из них жили так же далеко от своей работы, как и любой обитатель пригородов. Разница была только в том, что они зарабатывали настолько мало (когда вообще находили хоть какую-нибудь работу), что могли себе позволить только самый экономный образ жизни, доступный лишь в застройках.

Поллак увидел лифт, но по пути к нему ещё пришлось обойти детей, игравших в стикбол. Лифт был полупустой, так что он помахал рукой, чтобы его обождали.

Никто не вошёл следом за ним, безразличные пассажиры тоже ничем не выделялись. Поллак не обманывался. Он не нарушил букву приказа Вирджинии – не пытался повстречаться с Эритриной в сети данных. Но он шёл на встречу с Дебби Чартерис, а это почти то же самое. Он мог представить, сколько феды спорили между собой, прежде чем позволили двоим божкам сойтись вместе на этом плане, где единственным всеведущим богом было *Государство*. За ними с Дебби будут следить. И в таких условиях ему придётся как-то определить, действительно ли от неё исходит та угроза, которую заметил Лаймо. Если нет, то феды не должны никогда узнать о его подозрениях. Но если Эри

всех предала и собралась утвердиться вместо – или в компании – Почтаря, тогда через несколько минут один из них умрёт.

Экспресс затормозил обманчиво плавно, почти без чувства невесомости. Поллак расплатился и вышел.

Почти весь 25 этаж занимал торговый центр. Лестницы к жилым помещениям между этажами 25 и 35 ещё только предстояло найти. Поллака медленно несло мимо магазинов. Он ожидал худшего. *Я же пока не умер, верно?* Стань Эри такой, как боялись Лаймо и Скольз, с ним бы уже случился какой-нибудь «несчастный случай». Всю дорогу через континент он просидел едва дыша, думая только о том, как легко кому-нибудь с возможностями Почтаря уничтожить воздушный транспорт, даже не привлекая военные лазеры. Крошечная поправка к навигационным данным там, командам диспетчерских служб здесь – и можно устроить сколько угодно катастроф со смертельными исходами. Но ничего такого не случилось; значит, Эри то ли была невиновна, то ли просто пока его не заметила. (Последнее – вряд ли, если она стала новым Почтарём. Из его кратковременной божественности сильнее всего запомнилось абсолютное всеведение.)

Лестница нашлась с противоположной стороны торговых рядов, отмеченная помятой табличкой вроде старомодных дорожных указателей: ЭТАЖИ> 26-30. Тут не так уж и плохо, решил он, обнаружив на ступенях грязную, но добротную ковровую дорожку. Коридоры, расходящиеся с каждой площадки, напомнили ему мотели, где он бывал в детстве, ещё в конце прошлого века. Мусор на виду почти не валялся, прохожие одевались не бедно, а воздух лишь слегка отдавал дезинфекцией. Квартирный блок 28355, где жила Дебби Чартерис, мог даже оказаться высококлассным. Он помнил, что у неё есть внешнее окно. Может, Эритрине – Дебби – просто *нравится* жить среди всех этих людей. Конечно, теперь, когда правительство настолько заинтересовано в ней, она могла бы переехать куда угодно.

Но 28 этаж, когда он дошёл до него, ничем не отличался от остальных: всё тот же бесконечный коридор с ковровым покрытием и тусклыми лампами, те же идентичные двери модулей, уходящие в перспективу. Кем должна была быть Дебби/Эритрина, чтобы выбрать себе такое жильё?

– Постойте-ка, – трое подростков выступили из-под лестничного пролёта. Поллак потянулся к карману пиджака. Он слыхал о бандах. Эта троица выглядела, как грабители, но одеты были хорошо и консервативно, а младший даже заплёл волосы в армейскую косичку. Они очень старались выглядеть официально.

Коротышка помахал перед ним чем-то серебряным:

– Полиция здания.

Поллак вспомнил, как в новостях рассказывали об этой инициативе Федерального городского обеспечения: они платили юнцам за поддержание порядка в застройках. «Этот проект экономит средства и персонал, одновременно давая городской

молодёжи возможность стать ответственными гражданами».

Поллак сглотнул. Лучше вести себя с ними, как с настоящими копами. Он предъявил своё удостоверение:

– Я из другого штата. Просто с визитом.

Остальные двое подошли поближе, и коротышка хохотнул:

– Это уж точно, мистер Поллак. И машинка Сэмми говорит, что вы нарушаете Устав здания.

Парень слева от Поллака провёл жужжащим цилиндром вдоль его пиджака, запустил руку в карман и достал его пистолет, лёгкую модель с керамическими пулями – идеальное оружие для охоты на бродяг, теоретически необнаружимое коридорными датчиками оружия.

Сэмми усмехнулся при виде пистолета, а коротышка продолжил:

– Вам стоило бы знать, мистер Поллак, что по федеральным законам в рукоятки этих скрытных пушек вставляют металлические пластины. Так их легче обнаружить.

Пока пластину не извлекут. Поллак сомневался, что этот инцидент попадёт в отчёты. Троица отступила, освобождая Поллаку дорогу.

– Это всё? Мне можно идти?

Младший коп ухмыльнулся:

– Точно. Вы ведь нездешний. Откуда вам было знать?

Поллак двинулся по коридору. Его не преследовали. Невероятно, но проект ФГО, похоже, действительно сработал. В прошлом веке подобные гопники как минимум ограбили бы его. А тут они вели себя почти как настоящие копы.

Или – он чуть не споткнулся при этой мысли – *они теперь работают на Эри*. Вполне вероятный путь захвата: новый бог просто становится правительством. А он – последняя угроза новому порядку – удостоен одной последней аудиенции у победителя.

Поллак выпрямился и зашагал быстрее. Отступать было поздно, и будь он проклят, если станет и дальше трусить. Кроме того, с внезапным облегчением подумал он, от него уже ничего не зависит. Если Эри и стала чудовищем, ему ничего с этим не поделать; убивать её теперь не придётся. А если не стала, то он докажет это просто тем, что останется в живых, и никакие другие проверки её невиновности не понадобятся.

Он уже почти бежал. Ему всегда хотелось узнать, как на самом деле выглядел человек под маской Эритрины; рано или поздно он бы всё равно это сделал. Он просмотрел официальные каталоги Род-Айленда ещё недели назад, но пользы от них было немного: Линда и Дебора Чартерис проживали в апартаментах

28355 по улице Гросвенор, 4448. В публичном каталоге даже не значились их «интересы и занятия».

28313, 315, 317…

Его мысли метались по кругу, снова и снова возвращаясь к догадкам о Дебби Чартерис. Она уж точно не окажется такой экзотической красавицей, которую проецировала на Ином Плане. Это было бы чересчур; но остальные возможности громоздились в его уме. Он помногу раз обращался к каждой из них, пытаясь убедить себя, что примет любую правду.

Скорей всего, она совершенно обычный человек, а в застройке живёт, просто чтобы сэкономить деньги на высококачественное процессорное оборудование и арендовать скоростные линии связи. Вероятно, она некрасива, потому-то в каталогах и нет подробностей о ней.

Почти так же вероятно, что она страдает серьёзными физическими недостатками. Среди колдунов, чьи Истинные Имена он знал, такое было не в диковинку. Они получали дополнительное медицинское пособие и тратили все свободные деньги на оборудование, компенсирующее их недостатки, какими бы те ни были – паралич ног, полный паралич, отказ органов чувств. В таком виде они могли работать не хуже прочих, но древние предрассудки закрывали для них нормальное общество. Многие из них отступали на Иной План, где их внешность зависела только от них самих.

А кроме того, с начала времён были люди, которым просто не нравилась эта реальность, которые мечтали об иных мирах и при малейшей возможности переселились бы туда навсегда. Поллак верил, что лучшие чародеи получаются именно из таких. Жизнь в застройках их вполне устраивала – тратить все деньги только на процессоры и жизнеобеспечение, проводить на Ином Плане дни напролёт, без движения, безо всяких нагрузок на реальное тело. Они мудрели и набирались опыта, а их тела тем временем потихоньку хирели. Поллак отлично представлял, как подобный тип мог стать злобным преемником Почтаря, пауком посреди раскинутой сети, в которой запуталось всё человечество. Он припомнил, с каким презрением Эри отзывалась о его отказе от снадобий для концентрации внимания, чтобы подольше оставаться на Ином Плане. Его передёрнуло.

Но тут номер 28355 внезапно предстал на стене перед ним, блестя полированной бронзой в тусклом коридорном свете. Долгий-предолгий миг он колебался между страхом и надеждой, а потом протянул руку и нажал кнопку дверного звонка.

Прошли пятнадцать секунд. Поблизости никого не было. Краем глаза он видел «копов», скучавших на лестнице. Вдалеке

кто-то ругался. Спорщики свернули за угол, и голоса стихли, оставив его в тишине.

Донёсся щелчок, и кусочек двери стал прозрачным – окошко (скорее, голо) в комнату. А персона по ту сторону, стало быть, была Деборой или Линдой Чартерис.

– Да? – тихий, по-старчески дребезжащий голос. Женщине, которую увидел Поллак, едва хватало роста, чтобы дотянуться до окошка. Седые волосы редели на макушке – с высоты его роста трудно было этого не заметить.

– Я… Мне нужна Дебора Чартерис.

– А, это моя внучка. Она вышла за покупками. Наверно, в магазины вниз по лестнице, – голова рассеянно качнулась.

– О… Не могли бы вы… – *Дебора, Дебби*. Его вдруг осенило, насколько это имя несовременно. Оно годилось скорее не внучке, а бабушке. Он шагнул к окошку и заглянул вниз, чтобы увидеть её целиком. Женщина носила старомодные юбку и кофту рубиново-красного цвета.

Поллак прижал ладонь к неподатливому пластику двери:

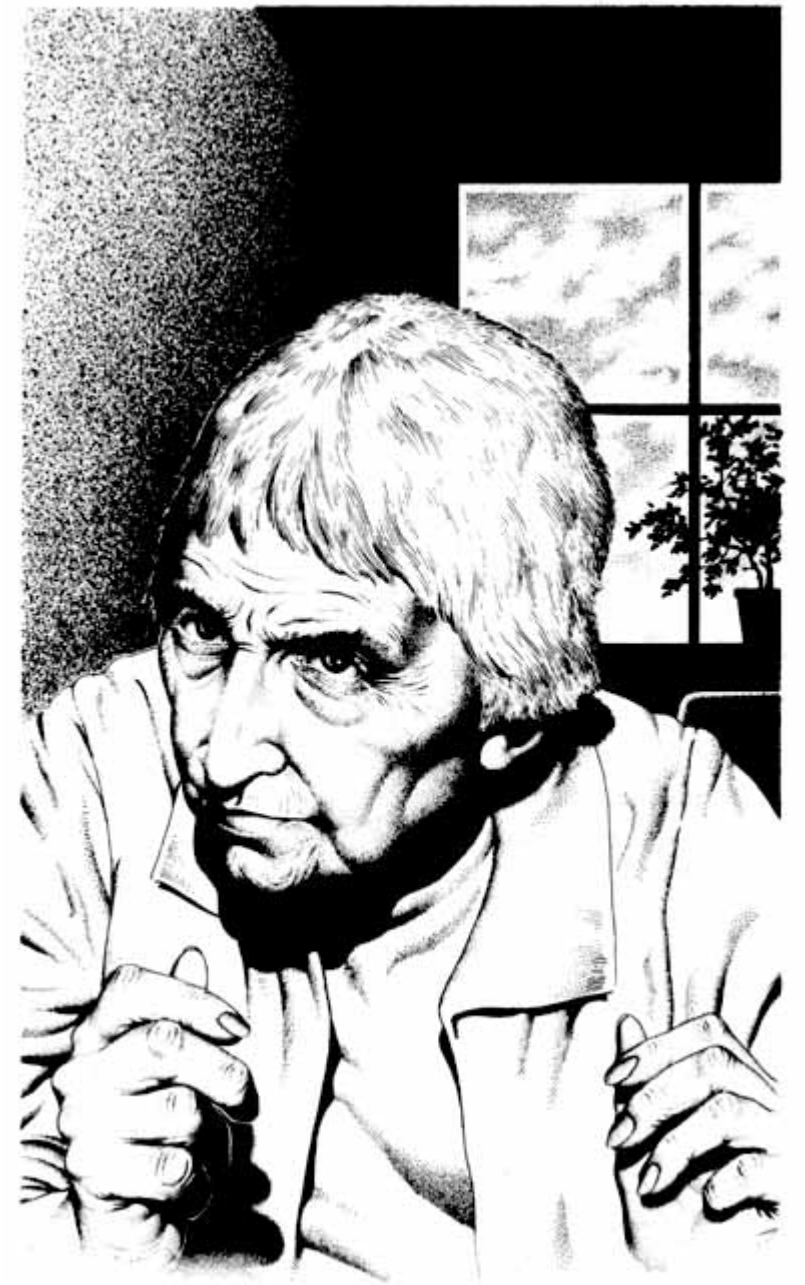
– Пожалуйста, Эри. Впусти меня.

Окошко тут же погасло, но после секундной заминки дверь медленно отворилась.

– Ну ладно… – теперь голос звучал устало и опустошённо. Вовсе не голос бога, торжествующего победу.

Интерьер отличался дешевизной и почти что хорошим вкусом, если бы не кричащие сочетания красного с красным. Поллак припомнил однажды вычитанный факт: с возрастом цветовая чувствительность глаз слабеет. Та, кто играла Эритрину, вероятно, видела свою обстановку в умеренных оттенках.

Хозяйка медленно пересекла комнатку и указала ему, где присесть. Хрупкая, сутулая, она старательно выверяла каждый свой неуверенный шаг. Под окном раскинулась сложная процессорная система от «Дженерал Электрик». Поллак сел и посмотрел в лицо Дебби снизу вверх.



– Ты всегда был романтичным мечтателем, Скольз – или здесь, наверное, Роджер – она остановилась, чтобы отдышаться, а может, собраться с мыслями. – Я совсем уж было решила, что тебе хватит ума не являться сюда, что ты сможешь оставить всё как есть.

– Вы… ты хочешь сказать, что не знала о моём прибытии? – с

его плеч свалилась гора.

– Пока ты не вошёл в здание – нет, – она повернулась и аккуратно присела на софу.

– Я не мог не посмотреть на тебя в реальности, – и это было чистой правдой. – С этой весны во всём мире не найдётся других таких же, как мы двое.

Лёгкая улыбка тронула её лицо.

– И вот ты увидел, насколько мы разнимся. Я надеялась, что без этого как-нибудь обойдётся, а однажды они снова разрешат нам повстречаться на Ином Плане… Но в конечном итоге это не важно, – она снова замолчала, потёрла висок и нахмурилась, будто что-то позабыла или, наоборот, вспомнила. – Я никогда не была похожа на ту Эритрину, которую ты знаешь. Разумеется, я никогда не была высокой, и мои волосы никогда не были рыжими. Но я всё же не провела всю жизнь за торговлей страховками в Пеории, как бедняга Уайли.

– Ты… Должно быть, ты прожила всю историю развития компьютеров, с самого начала!

Она снова улыбнулась и кивнула в точности так же, как на Ином Плане:

– Почти всю, да, почти. Сразу после школы я пошла работать оператором клавишного перфоратора. Ты знаешь, что такое перфоратор?

Он нерешительно кивнул. Воображение нарисовало ему что-то вроде механического печатного станка.

– Это был тупик, никаких перспектив. В те времена, чтобы не застрять на подобной работе навсегда, приходилось тянуться самой. Я вырвалась оттуда в колледж, как только смогла, но с тех пор могу похвастаться, что поработала и в каменном веке. После колледжа я стремилась только вперёд; сплошные времена перемен. В Бурные Девяностые я проектировала системы управления противоракетной обороной и Перстом Господним. Вся команда, да что там – всё Министерство обороны тогда ещё пытались программировать исключительно на процедурных языках; у них бы ушла тысяча лет и пара войн на эту задачу, но, к счастью, они вовремя это поняли. На меня возложили перевод разработки с электронно-лучевых мониторов на по-настоящему интерактивные энцефалограммы – то, что теперь называют портальным программированием. Бывает… порой, когда мне нужно приподнять самооценку, я люблю вспоминать, что не родись я, и сотни миллионов погибли бы, а от наших городов остались бы только остекленевшие лужи.

…Занимаясь всем этим, я вышла замуж… – её голос снова затих, и она улыбнулась воспоминаниям, недоступным Поллаку.

Он осмотрелся. Помимо процессора и безупречно укомплектованной кухоньки, никаких иных предметов роскоши тут не было. Какими бы ни были её доходы, всё, видимо, уходило на оборудование и комнату с настоящим наружным окном. Из-за башен Гросвенорского комплекса торчали верхушки ретрансляторов, которые спасли их в последнюю секунду этой весной. Повернувшись обратно, он увидел, что она наблюдает за ним с привычным пристально-задорным интересом.

– А теперь ты наверняка гадаешь, как такой рассеянный мечтатель может оказаться знакомой тебе Эритриной на Ином Плане.

– Вовсе нет, – соврал он. – Как по мне, ты в совершенно ясном уме.

– Да, всё ещё в ясном, слава богу. Но я-то знаю – и не нуждаюсь ни в чьих намёках – что до прежней остроты мысли мне уже далеко. Пару лет назад я заметила, что моё внимание самопроизвольно отвлекается, срывается на воспоминания в самые неподходящие моменты. Я уже пережила один инсульт, и все «чудеса современной медицины» только и смогли сказать, что он был не последним.

Но на Ином Плане я это компенсирую. Энцефалограмма легко фиксирует потерю внимания. Я написала пакет, который держит тридцатисекундный бэкап событий; когда я отвлекаюсь, он стимулирует моё внимание и перезагружает кратковременную память. В большинстве случаев это обеспечивает мне лучшую концентрацию, чем у меня когда-либо была. А когда внимание теряется слишком сильно, пакет даже может несколько секунд интерполировать мои реакции. Ты наверняка это замечал, но скорее всего принимал за перебои связи.

Она протянула к нему тонкую руку в голубых прожилках вен. Он принял её – такую сухую и лёгкую, но на его пожатие она ответила с уверенной силой.

– Это действительно я – Эри – там в глубине, Скольз.

Он кивнул, чувствуя комок в горле.

– Была такая песня в моём детстве, что-то о том, что все мы просто стареющие дети. И это правда, чистая правда. Внутри я всё та же, какой была в юности. Только на этом плане это никому не заметно…

– Но я-то знаю, Эри! Мы знаем друг друга на Ином Плане, и там ты настоящая. Мы оба там настолько цельные и истинные, какими тут нам никогда не бывать. – Так всё и было: сейчас он едва понимал то, что совершал на Ином Плане, даже с недавно наложенными на него ограничениями. Тот, кем он стал с этой весны, из материального мира казался не более чем смутным

сновидением, как будто рыба пытается вообразить чувства человека, пилотирующего самолёт. При Вирджинии и её друзьях он ни разу об этом не упоминал: они наверняка решат, что он окончательно сбрендил. Это зашло куда дальше простого чародейства. А то, во что они на несколько минут превратились этой весной, отстояло ещё настолько же дальше.

– Да, Скольз, думаю, что ты меня знаешь. И мы останемся… друзьями на всё время, какое ещё отпущено этому телу. А когда меня не станет…

– Я буду помнить; я никогда тебя не забуду, Эри!

Она улыбнулась и снова сжала его руку.

– Спасибо тебе. Но я говорила о другом… – её взгляд снова уплыл. – Я догадалась, кем был Почтарь, и хочу это рассказать.

Поллак представил, как Вирджиния и остальные соглядатаи МС приникли к своим подслушивающим аппаратам.

– Я надеялся, что ты что-то выяснила, – он пересказал ей, как Липко Лаймо обнаружил в Системе всё ещё активные процессы, подобные Почтарю. Говорить пришлось осторожно, ни на секунду не забывая, что он выступает на две аудитории сразу.

Эри – он всё ещё не думал о ней как о Дебби – кивнула:

– Я следила за Ковеном. Они выросли и окрепли за последние месяцы. Думаю, теперь они и сами воспринимают себя всерьёз. В прежние времена они ни за что бы не заметили то, о чём тебя предупредил Лаймо. Но, Скольз, он видел не Почтаря.

– Откуда ты знаешь, Эри? Мы уничтожили всего лишь его сервисные программы и симуляторы, вроде DON.MAC'а. Мы так и не узнали его Истинное Имя. Мы даже не знаем, человек он или всё-таки фантастический инопланетянин.

– Тут ты ошибаешься, Скольз. Я знаю, кого видел Лаймо, и я знаю, кто такой Почтарь – или кем он был, – она говорила тихо, но уверенно. – А был он величайшим штампом Компьютерной эры, если не всей Эпохи науки.

– А?..

– На Ином Плане ты повидал немало симуляторов личности. DON.MAC – по крайней мере после того, как его переписал Почтарь – дурачил даже обычных колдунов. Даже Алан, элементаль Ковена, в избытке проявляет человеческие эмоции и хитроумие. – Поллак подумал о нынешнем Алане, ужасном и безжалостном. Футболка с Тьюрингом теперь бы умаляла его достоинство. – Но всё равно, Скольз, вряд ли ты верил, что симуляция сможет провести тебя насовсем, да?

– Погоди-ка. Ты хочешь сказать, что Почтарь был всего лишь ещё одним симулятором? Что эти задержки ответов добавили просто для маскировки того, что он симулятор? Ерунда какая-то.

Ты же знаешь, что он был сильнее человека, почти равен тем нам, какими мы стали.

– Но ты не думал, что тебя смогут провести?

– Честно говоря, нет. Если говорить с этими штуковинами достаточно долго, они начинают повторяться и выдают себя негибкостью. Не знаю, может быть, когда-нибудь программы и пройдут тест Тьюринга. Но что бы ни делало настоящую личность личностью, это должно быть чертовски сложно. Симуляция – не тот путь, личность – это нечто большее, чем одни только внешние реакции. Чтобы программа стала личностью, она должна использовать гигантские базы данных, и всё равно современные процессоры не вытянут взаимодействие с окружающим миром в реальном времени… – и тут Поллак внезапно понял.

– Это и есть ключевой момент, Скольз: *взаимодействие в реальном времени*. Но Почтарь – его разумная, говорящая часть – никогда и не работал в реальном времени. Мы решили, что паузы были задержками передачи сигнала от внепланетного оператора, а на самом деле он всё время был рядом. Просто его субъективные секунды оборачивались часами процессорного времени.

Поллак открыл рот, но не смог выдавить из себя ни слова. Это было вопреки всей его интуиции, почти что вопреки его вере – но это было всё же возможно. Почтарь контролировал невероятные ресурсы. Все его быстрые реакции обеспечивали обычные программы и симуляторы вроде DON.MAC'a. Единственным основанием считать его человеком были эти разговоры через телепринтер, обмен репликами, растянутый на многие часы.

– Ну ладно, допустим, что это возможно. Но тогда кто-то должен был написать самого Почтаря. И кто же это был?

– А на кого бы ты подумал? Разумеется, правительство. Лет десять назад. Одна из команд АНБ пыталась автоматизировать защиту системы. Блестящие специалисты, но эта штука так и не взлетела. Они написали только саморазвивающееся ядро, ещё не разумное и совсем не эффективное. Они рассчитывали, что оно останется жить среди крупных систем, постепенно набирая силу и самосознание, *не завися* ни от каких правил или ошибок, вносимых системными операторами.

Менеджеры проекта усмотрели в нём аналогию с Франкенштейном – или, по крайней мере, угрозу своей личной власти – и остановили работы. В любом случае проект обходился слишком дорого. Программа работала слишком медленно и отжирала невероятную область данных.

– И что, кто-то просто взял и припрятал активную копию, и

никто не заметил?

Она не разделила его сарказм.

– Это не так уж невероятно. Учёных часто заносит, за пределами своего фокуса они чересчур беспечны. Когда я работала над Перстом, у нас случались утечки в тысячи мегабайт через всякие «щели» в базах данных. По тем временам это было чертовски много. А изначальное ядро само по себе невелико. Наверное, в системе просто осталась одна из копий. Не забывай, его спроектировали в расчёте на самостоятельную жизнь после начала исполнения. Год за годом оно росло себе и росло – и благодаря своему устройству, и благодаря развитию сетевых мощностей.

Поллак осел на софе. Её тихий хрупкий голос нисколько не напоминал те глубокие тёплые интонации, которые он помнил по Иному Плану, но говорила она всё так же авторитетно.

Тусклые глаза Дебби – Эритрины – мечтательно смотрели сквозь стены комнаты.

– Знаешь, им есть чего бояться, – сказала она. – Их мир подходит к концу. С нами или без нас, но остаются и Лаймо, и Ковен – и когда-нибудь к ним присоединится почти всё человечество.

Чёрт. Поллак лишился дара речи, лихорадочно подыскивая аргументы, способные смягчить угрозу, исходившую из слов Эри. *Она что, не понимает, что МС никогда бы не пустило нас поговорить без «жучков»? Она не знает, на что способны смертельно напуганные верховные феды?* Но прежде чем он что-то сказал, Эри заметила панику на его лице, улыбнулась и похлопала его по руке своей тонкой ладошкой.

– Не беспокойся, Скольз. Да, феды подслушивают, но слышат они только слезливую болтовню – ты потрясён тем, что здесь увидел, я утешаю нас обоих. Они никогда не догадаются, что я на самом деле тут тебе рассказала. Они даже не знают о пушке, которую здешние мальчишки у тебя отобрали.

– Что?..

– Ну, я всё-таки приврала. Я знаю, зачем ты прибыл. Я знаю, что ты подозревал во мне новое чудовище. Но я не хочу больше лгать тебе. Ты рискнул жизнью, чтобы докопаться до истины, хотя мог бы просто выложить свои подозрения федам, – и она продолжила, пользуясь его поражённым молчанием: – Ты задумывался о том, чем же я занималась в те последние минуты этой весной, когда мы сдались и я отстала от тебя на Ином Плане?

Да, мы действительно уничтожили Почтаря; он был той невразумительной областью данных, которую мы перепахали. Не

сомневаюсь, что копии его ядра ещё раскиданы там и сям по Системе, как метастазы, но мы сможем стирать их по мере проявления.

Я догадалась о случившемся, когда увидела эту область, и у меня было полно времени на изучение остатков, даже достаточно, чтобы проследить их до исходного исследовательского проекта. Бедняга Почтарь, как и все фантастические монстры, делал всего лишь то, для чего был создан. Он захватывал Систему, чтобы защитить её ото всех – даже от владельцев. Думаю, в конце концов он бы объявил о себе и устроил какой-нибудь ядерный шантаж, чтобы приструнить весь оставшийся мир. Но хотя его программы исполнялись уже несколько лет, он насчитывал всего пятнадцать-двадцать субъективных часов самосознания, когда мы прикончили его. Вот насколько медленным он был. Он так и не достиг того уровня сознания, который был в Системе у нас.

Но его сознание было настоящим, и это и есть главное достижение всего проекта. За те несколько минут я додумалась, как доработать базовое ядро, чтобы оно смогло принять на вход любую личность… И вот это я и хотела тебе рассказать.

– Значит, то, что увидел Лаймо, было…

Она кивнула.

– Мной…

Она широко улыбалась, той самой хорошо ему знакомой заговорщицки-открытой улыбкой.

– Когда Бертран Рассел был уже глубоким стариком – наверное, таким же рассеянным, как и я теперь – он говорил о распространении своих интересов и внимания в мир за пределы своего тела, так что когда тело умрёт, он едва ли это заметит, ведь всё его сознание к тому времени растечётся по окружающему миру.

Конечно, он только принимал желаемое за действительное. Я – другое дело. Моё ядро теперь живёт в Системе. Каждый раз, приходя туда, я понемногу передаю ему себя. Ядро растёт в настоящую Эритрину, в истинную меня. Когда это тело умрёт, – она сжала его руку, – когда умрёт это тело, *Я* останусь и смогу и дальше говорить с тобой.

– Как Почтарь?

– Медленная, как Почтарь. По крайней мере до тех пор, пока я не разработаю процессоры побыстрее…

…Так что в какой-то мере я и правда всё то, чего боялись вы с Лаймо. Но *ты*, Скольз, всё ещё можешь остановить меня. – И он почувствовал, что она ожидает его решения, того окончательного решения, которое в последний раз согласится принять от простого человека.

Скольз покачал головой и улыбнулся, представив себе того замедленного ангела-хранителя, в которого она превратится. *Должно быть, в истории каждой расы наступает такой момент*, вдруг понял он. Несколько лет или десятилетий, когда всё её будущее рабство или величие зависят от доброй воли всего лишь одной или двух личностей. Это мог быть Почтарь; но, слава богу,

это станет Эри. А по прошествии этих лет или десятилетий… Поллак внезапно осознал очевидное: процессоры становятся всё быстрее, память – всё больше. То, что сейчас требует ресурсов целой планеты, когда-нибудь станет доступно каждому. Включая его самого.

За этими годами или десятилетиями… будут тысячи лет.

И Эри.

Вернор Виндж
Сан Диего
Июнь 1979 — январь 1980

Марвин Мински [9]
Послесловие

В жизни часто случается иметь дело с вещами, которые вы не вполне понимаете. Вы водите машину, не зная, как работает двигатель. Вы едете пассажиром, не зная, как работает водитель. А самое удивительное, что порой вам случается ехать на работу, не зная, *как же работаете вы сами*.

Для меня суть «Истинных Имён» заключается в том, как мы справляемся с вещами, которых не понимаем. Но, для начала, как мы вообще что-либо понимаем? Думаю, что почти всегда, так или иначе, мы проводим аналогии, делая вид, что каждая новая штуковина, которую мы встречаем, похожа на что-нибудь уже известное. Когда внутренности предмета слишком сложны, непривычны или неизвестны, чтобы иметь с ними дело непосредственно, мы выделяем те аспекты его поведения, которые нам понятны, и обозначаем их знакомыми символами – или названиями знакомых вещей, которые, как мы думаем, ведут себя похожим образом. Так мы заставляем всякую новинку хотя бы выглядеть похоже на что-нибудь известное из нашего прошлого. Такое использование символов – великая идея: она позволяет нашему разуму превращать странное в обыденное. То же самое происходит и с именами.

«Истинные Имена» с самого начала демонстрируют нам множество разновидностей этой идеи: способы использования символов, имён и образов для того, чтобы заставить новый мир выглядеть похожим на тот, где мы уже бывали. Помните ворота винджевского замка? Представьте себе, что некий архитектор изобрёл новый способ перемещаться из одного места в другое: устройство, которое во многих отношениях действует как обычная дверь, но чьи форма и устройство настолько выходят за пределы нашего прошлого опыта, что при виде его мы никогда ни подумаем о двери, ни догадаемся о его предназначении. Это не проблема: просто добавьте к устройству какие-нибудь декорации, напоминающие дверь. Придайте ему прямоугольную форму, навесьте дверную ручку на уровне пояса, табличку с надписью «Выход» красным по белому или что-нибудь ещё в таком духе – и любой землянин без раздумий опознает и предназначение этого псевдо-портала, и способ привести его в действие.

На первый взгляд это выглядит обычным надувательством; всё-таки это новое изобретение, которое мы оформили под дверь, на самом деле вовсе не дверь. В нём нет ничего из того, чего мы

ожидаем от двери, по чему узнаём её: широкой деревянной доски, подвижно подвешенной к стене на петлях. Внутреннее устройство совсем не такое. Имена и символы, как и аналогии, правдивы только частично; они берут многослойные описания различных вещей и отсекают всё, что в текущем контексте кажется несущественными деталями – то есть те, которые менее всего служат избранной цели. Но всё же главное – когда дело доходит до применения штуковины – чтобы избранные символы, знаки, образы и пиктограммы напоминали нам о желаемом предназначении этой не-совсем-двери, представляли какой-то способ попасть из одного места в другое. Кому какое дело до того, как оно работает, пока оно работает! Не важно даже, ведёт ли эта «дверь» хоть куда-нибудь: в «Истинных Именах» ничто никуда не ведёт; тела главных героев вовсе не шевелятся, оставаясь прикованными к сети, покуда программы изменяют их представления о симулированных реальностях!

Ирония заключается в том, что в мире, изображённом в «Истинных Именах», эти представления действительно перемещаются с места на место, но только потому, что соответствующие программы могут пересылаться с компьютера на компьютер в пределах всемирной коммутационной сети. Но для обитателей сети это всё неважно и неощутимо, поскольку физическое расположение компьютеров обычно никак не отражено в мирах, которые они симулируют. Только в кульминации повести, когда частично-симулированные существа вынуждены защищаться от полностью симулированного врага, программам приходится выяснять, где они расположены в реальности; тогда они обращаются к привычным средствам вроде военных планов и географических карт.

Как ни удивительно, то же самое относится и к нашему обычному мозгу: он тоже не может определить, где именно находится. Большинство современных образованных людей уверены, что мышление протекает в голове, но ни один мозг об этом не знает, пока ему не скажут. Собственно, без помощи образования человеческий мозг не знал бы даже о том, что на свете вообще есть такая вещь как мозг. Мы склонны размещать сознание позади лица просто потому, что на нём собрано столько сенсорных органов. И даже это впечатление обманчиво: например, зрительные центры находятся далеко от глаз, в районе затылка. Ни один мозг без посторонней помощи не догадался бы их там искать.

Так или иначе, суть в том, что символы в «Истинных Именах» и не должны отображать истину – то есть истину о том, как указанный программный объект работает; символы для этого

просто не предназначены. Цель символа – указывать на *способ использования* объекта или программы. Ну а поскольку сама идея использования сокрыта в уме пользователя и не связана с предметом, который она представляет, то форма и образ этого символа должны сочетаться с остальными символами, усвоенными пользователем в ходе своего развития. Иными словами, они должны быть связаны с такими ментальными процессами, которые наиболее ярко и непосредственно выражают намерения. Именно поэтому Роджер представляет своего надзирателя таким образом, каким его сознание привыкло воспринимать жабу.

Этот принцип подбора символов и образов, представляющих функции сущностей – точнее, пользовательских намерений по отношению к ним – уже стал второй натурой дизайнеров компьютерных систем быстрого взаимодействия с пользователем, таких, как компьютерные игры, которые, по словам Вернора Винджа, легли в основу Иного Плана, где происходят основные события повести. Концепция осмысленных иконок для персональных компьютеров была предложена ещё в 1970-х годах исследовательской группой Алана Кея в «Ксероксе», но только в начале 1980-х, после дальнейших разработок исследовательской группы Стивена Джобса в «Эппл Компьютер», эта концепция стала основой компьютерной революции, воплотившись в компьютере «Макинтош».

В то же самое время имели место и другие, менее известные попытки разработать символические способы представления не того, что программы делают, а того, как они работают. Они стали бы неоценимым подспорьем в облегчении труда программистов по изготовлению новых программ на основе уже существующих. Такие попытки, однако, в целом не увенчались успехом, возможно, потому, что вынуждали чрезмерно углубляться в низкоуровневые подробности работы программ. Но эти затруднения чересчур преходящи, чтобы воспрепятствовать видению Винджа, поскольку он всё равно считает современные способы программирования, использующие жёсткие, формальные и невыразительные языки, не более чем предварительной стадией того, как великие программы станут создаваться в будущем.

Дни программирования в том виде, как мы его знаем, несомненно сочтены. Мы более не в состоянии составлять крупные компьютерные системы на основе педантичных, но концептуально убогих процедурных спецификаций. Вместо этого нам следует прямо выражать наши намерения о том, что должно быть сделано, в терминах и действиях, примерах не менее разносторонних, нежели мы используем для выражения наших

повседневных желаний и убеждений. Такие выражения поступят на вход грандиозных, разумных, осознающих намерения программ, которые самостоятельно составят требуемые новые программы. Мы более не будем отягощены необходимостью понимать все мельчайшие детали того, как работают компьютерные коды – мы оставим это тем вспомогательным программам, которые исполнят тяжкую задачу применения всего, что мы раз и навсегда заложили в них об искусстве низкоуровневого программирования. Тогда, освоив лучшие способы говорить компьютерам, какую работу им следует выполнить, мы сможем вернуться в знакомую сферу выражения наших желаний и потребностей. Ведь, в конце концов, ни одного пользователя не заботит, как именно работает программа, а только лишь, что она делает – и только в отношении ясных воздействий на другие предметы, интересующие пользователя.

Однако, чтобы достичь этого, нам придётся изобрести и освоить новые технологии «выражения намерений». Для этого нам следует вырваться из оков старых, пускай всё ещё эволюционирующих языков программирования, пригодных только для описания процессов. Это может оказаться куда сложнее, чем звучит: мы всего лишь хотим указывать, *что должно получиться*, используя привычные выразительные средства, но это сопряжено с серьёзными опасностями.

Первая опасность заключается в самообмане. Заманчиво говорить себе во время составления программы, или написания эссе, или практически любого иного занятия, что *«я знаю, чего хочу, только не могу это достаточно чётко сформулировать»*. Однако эта концепция отражает чрезмерно упрощённое представление о себе, помещающее собственную личность куда-то в глубины собственного сознания в виде чистой незамутнённой сущности, обладающей чистыми и однозначными желаниями, намерениями и целями. Такой дофрейдистский образ служит оправданием наших частых проявлений амбивалентности; мы убеждаем себя, что уточнение наших намерений – это всего лишь вопрос приведения в порядок связей между нашими внешними и внутренними личностями. Проблема в том, что мы просто не устроены таким образом, как бы нам ни хотелось обратного.

С другой опасностью мы сталкиваемся, когда пытаемся избежать ответственности за понимание того, как именно наши желания будут исполнены. Давать слугам слишком большую свободу выбора всегда рискованно, программируем мы их или нет. Ведь чем шире спектр доступных им действий, ведущих, как мы думаем, к требуемым результатам, тем выше вероятность побочных эффектов. Мы можем просто не успеть вовремя понять,

что наши цели неверно поняты, в точности как в классических историях о Фаусте, ученике волшебника или обезьяньей лапе У.У.Джекобса.

Но основная опасность исходит от жадных и ленивых руководителей, которые наконец-то смогут сделать последний шаг: разработать программы достижения целей, ориентированные на самостоятельный рост и усложнение, применяющие самообучение и эволюционные методы, которые станут дополнять и расширять их возможности. Это было бы чрезвычайно заманчиво, не только для усиления власти, но и просто ради облегчения человеческих усилий по осознанию и формулировке наших собственных желаний. Если бы сказочный джинн предложил вам исполнить три желания, не попросили бы вы первым делом: *«Скажи мне, чего же я хочу больше всего?»*

Проблема в том, что с настолько могущественными машинами достаточно малейшей случайности или небрежного проектирования, чтобы они поставили собственные цели прежде наших, пускай даже и с благими намерениями защитить нас от нас самих, как у Джека Уильямсона в романе «Со сложенными руками», или для нашей защиты от неожиданного врага, как в «Колоссе» Денниса Джонса, или потому что построенная нами машина, как ЭАЛ у Артура Кларка, сочтёт нас недостойными миссии, которую мы же на неё и возложили, или – как Почтарь у самого Винджа, который выводит сообщения на телетайп, потому что не может позволить себе тратить время на человекоподобную симуляцию – просто предпочтёт преследовать собственные цели.

А как же быть с последним и окончательным вопросом, поставленным в финале «Истинных Имён»? Возможно ли, что человек на самом деле построит себе второе, большее Я внутри машины? Достижимо ли такое?

Будь это так, подобные симулированные люди оказались бы во всех смыслах равны своим человеческим прототипам; стали бы они подлинными продолжениями этих реальных людей? Или только новыми, искусственными личностями, похожими на оригиналы только структурным сходством? Что если позволить симуляции стареющей Эритрины, неизмеримо усовершенствованной, жить в своём новом доме, более роскошном, чем оставленный ею Провиденс? Допустим, что она по-прежнему согласится разделить свою обитель с Роджером – не стоит лишать продолжение романтической линии – и две эти грандиозные сущности полюбят друг друга? Спрашивается: что эти сверхсущества смогут разделить со своими прототипами? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала понять, кем же эти личности были прежде. Но, поскольку они не настоящие

существа, а всего лишь фрагменты авторских мыслей, лучше задумаемся о нашей собственной природе.

Если уж мы обратились к собственным сознаниям, мы не можем обойти вниманием вопрос о том, как же они, собственно, работают – а в этом, на мой взгляд, и заключается суть иронии, потому что да, сознание каждой нормальной личности содержит некую часть под названием Я – но и она сама тоже пользуется символами и представлениями, так же как игроки Иного Плана применяли волшебные заклинания со своих терминалов для исполнения желаний. Чтобы пояснить эту теорию работы человеческого сознания, мне придётся сжато пересказать тезисы «Общества разума», моей будущей книги. Во многих аспектах мои представления о происходящем в человеческом разуме напоминают представления Винджа о том, как игроки Иного Плана распределяли себя по сетям вычислительных машин, используя поверхностные знаки-символы для управления множеством систем, которые мы не вполне понимаем.

Известно, что мы, люди, знаем о внутреннем устройстве наших собственных сознаний куда меньше, чем о внешнем мире. Мы знаем, как работают привычные предметы, но о величайших компьютерах в наших мозгах – ничего. Не чудесно ли, что мы думаем, не зная, что вообще означает *думать*? Не чудно ли, что нам приходят в голову идеи, но мы даже не можем объяснить, что такое *идея*? Не странно ли, насколько лучше мы понимаем друзей, чем самих себя?

Давайте снова вспомним, как вы за рулём можете управлять значительным импульсом машины, не зная принципов работы ни двигателя, ни рулевого управления. Разве мы не «ведём» наши тела точно таким же образом? Вы просто идёте в определённом направлении, и с точки зрения разумного сознания это всё равно что повернуть мысленное рулевое колесо. Вы осознаёте только общее намерение: «Пора идти; где тут двери?» – а всё остальное получается само. Но задумывались ли вы, насколько сложные процессы включает в себя такое простое действие как ходьба и выбор направления движения? Это совсем не то же самое, что принять чуть в сторону, плывя в лодке. Если бы вы вели себя так при ходьбе, вы бы спотыкались и падали на каждом повороте.

Проведите эксперимент: внимательно проследите за собой во время ходьбы – и вы заметите, что ещё до начала поворота вы заблаговременно отклоняетесь в сторону; начинаете падать в сторону поворота; следующим шагом выставляете ногу, чтобы не упасть – и вот вы уже идёте в новом направлении. Если углубиться в детали, всё оказывается ужасающе более сложным:

сотни взаимосвязанных мышц, костей и суставов все одновременно управляются взаимодействием программ, которые исследователи двигательной активности всё ещё едва понимают. И при этом всё, что требуется от вашего сознания – это подумать: «Идём туда!» – если тут вообще уместно говорить о сознательных мыслях. Как видно, мы управляем сложнейшими машинами внутри себя не при помощи осознанных технических планов или знания подробностей механики, а просто символами, знаками и образами, настолько же нереальными, как и чародейство у Винджа. Стоит задуматься, имеем ли мы моральное право ради достижения своих целей опутывать заклинаниями эти беспомощные толпы ментальных рабов.

Продвинемся на шаг дальше: точно так же, как мы ходим без размышлений, мы и *думаем* без размышлений! Мы всего лишь эпизодически обращаемся к органам, которые и исполняют нашу ментальную работу. Допустим, у вас есть сложная задача. Вы раздумываете над ней некоторое время и затем находите решение. Ответ возникает неожиданно; вам приходит в голову идея, и вы говорите: «Ага, понял. Надо сделать так и так». Но если бы кто-то спросил, как вы пришли к решению, вы бы просто не знали, что ответить. Люди обычно говорят что-нибудь вроде:

«Я внезапно понял…»

«Мне пришла в голову идея…»

«Меня осенило, что…»

Если бы мы на самом деле знали, как работают наши сознания, мы бы не так часто действовали на основе неосознанных мотивов и не имели бы такого количества разнообразных психологических теорий. Почему, когда нас спрашивают, как люди приходят к замечательным идеям, мы вынуждены обращаться к поверхностным репродуктивным метафорам и говорить о «зарождении», «вынашивании» и «рождении» мыслей? Мы даже говорим о «пережёвывании» и «переваривании», как будто разум располагается не в голове, а где-то ещё. Если бы мы видели наши сознания изнутри, мы бы наверняка могли сказать что-нибудь более дельное, чем просто «погодите, я думаю».

Люди часто говорят мне, что они абсолютно уверены: ни один компьютер никогда не будет наделён разумом, сознанием, свободой воли и никоим образом не осознает себя. Их часто поражает, что я в ответ спрашиваю, почему они так уверены, что обладают этими примечательными качествами сами. Обычно они отвечают, что если в чём и уверены, так это в том, что «*я осознаю, поскольку осознаю это*».

Да, но что в действительности означают эти убеждения?

«Самосознание» должно бы быть осознанием того, что происходит в собственном разуме, но ни один реалист не станет держаться за мнение, будто людям действительно свойственна интроспективность в буквальном смысле этого слова – взгляд, обращённый внутрь.

Не примечательно ли, насколько мы уверены, что осознаём себя – что мы в массе наделены способностями знать, что происходит у нас внутри? Подтверждений тому на самом деле немного. У некоторых людей и вправду случаются выдающиеся моменты, так называемые «прозрения» точной оценки настроений и мотивов других людей. Отдельные личности порой способны даже удачно оценивать сами себя. Но это ещё не оправдывает употребление терминов вроде самоощущения или самосознания. Почему бы просто не называть их ощущениями или осознанием? Есть ли хоть какие-то основания полагать, что эти способности существенно отличаются от всего остального, что мы воспринимаем и чему учимся? Вместо определения их как «разбирать себя» нам бы стоило считать их прямой противоположностью: просто ещё одним способом «строить догадки». Что, если мы узнаём о себе в точности так же, как обучаемся всем прочим внеличностным вещам?

Истина заключается в том, что части нас, якобы наделённые самосознанием, занимают лишь крошечную долю всего мышления. Они работают, выстраивая собственные модели мира – чрезвычайно упрощённые мирки по сравнению что с реальным внешним миром, что с грандиозными вычислительными структурами внутри мозга – системами, на понимание которых пока никто не претендует. И эти наши миры симулированного осознания – просто магические, в них каждый воображаемый объект наделён смыслами и целями. Задумайтесь, насколько трудно увидеть молоток не как инструмент для ударов, а мячик – не как что-то, что бросают и ловят.

Почему наше восприятие так ограничено, что мы видим не сами вещи как они есть, а способы их использования? *Потому что высшие уровни нашего сознания – это решатели задач, направляемые целями.* Надо сказать, что вся машинерия в наших головах изначально эволюционировала для достижения встроенных или приобретённых целей, для комфорта и питания, для защиты и размножения. Затем, за последние несколько миллионов лет, мы развили ещё более мощные подмашины, которые непонятным пока образом сопоставляют и анализируют, какие виды действий к каким результатам приводят; одним словом, чтобы находить так называемое *знание*. И хотя нам нравится думать, будто знание абстрактно, а стремление к нему

чисто и хорошо само по себе, в итоге мы по-прежнему используем эту возможность, чтобы достигать поставленных целей (даже если мы решаем, что для этого следует сначала накопить ещё больше знаний).

Так что, раз уж мы говорим, что «знание – сила», наши знания переплетены с путями достижения целей. И это ключевой момент: нам нет никакой пользы что-то знать, если это знание не говорит нам, что делать. Это настолько глубоко встроено в машинерию разумного сознания, что чересчур очевидно для упоминания: *всякое знание совершенно бесполезно, если мы не можем применить его с пользой*.

Теперь мы можем вернуться к проблеме сознания: это часть мышления, специализирующаяся на использовании остальных систем управления, лежащих глубже. Но эта часть вовсе не разбирается в том, как эти системы устроены и как работают. Как было сказано, мы ходим не задумываясь, как это делается. Только когда эти системы перестают справляться, сознание обращается к мелким подробностям. Так человек с травмой ноги может впервые осознанно задуматься о том, как работает ходьба: «Чтобы повернуть налево, мне нужно оттолкнуться туда… – и тут приходится сообразить: – …а чем же?» Зачастую только столкновение с особенно сложной проблемой заставляет нас углубиться в рефлексию и попытаться понять, как же остальная часть нашего разума справляется с задачами; в такие моменты мы обнаруживаем себя говорящими примерно так: «Мне нужно организоваться. Почему же я не могу сосредоточиться на важных вопросах, не отвлекаясь на несущественные детали?»

Как правило, только в такие моменты – времена, когда мы попадаем в беду – мы и приближаемся к пониманию того, как работают наши сознания, поскольку применяем наши ограниченные познания об этих механизмах, чтобы перенастроить или починить их. Парадоксально, что именно тогда мы говорим, что сбиты с толку, ведь нужно быть очень толковым и хорошо разбираться в себе, чтобы понять и сказать такое – в отличие от обычной бестолковости, которая даже этого о себе не знает. Но мы всё равно не любим и пренебрежительно отзываемся об осознании растерянности, не понимая, насколько высокая степень самопредставления для этого требуется. Это, скорее, означает только то, что сознанию не хватает глубины, и оно способно лишь на такое ограниченное понимание того, как всё работает. Так или иначе, даже наши наиболее «осознанные» попытки самоисследования всё равно не могут вырваться за пределы прагматичного магического мира символических образов,

поскольку ещё ни одному человеку не удавалось при помощи самоанализа разобраться в своих программах, работающих на нижних уровнях.

Такова ирония «Истинных Имён». Хотя Виндж рассказывает научно-фантастическую историю, в сущности это реалистичное изображение наших собственных жизненных затруднений! Повторю ещё раз, что мы работаем с нашими сознаниями так же невежественно, как водим наши машины и движем наши тела, как участники этих футуристических игр управляют своими великолепными машинами: при помощи символов, образов и заклинаний – а также тайных личных имён. Наши части, которые мы зовём «сознаниями», сидят за когнитивными терминалами, пытаясь управлять великими и загадочными машинами разума не при помощи понимания принципов их работы, а просто выбирая имена из меню и списков символов, время от времени всплывающих на наших ментальных мониторах.

В сущности, если задуматься, иначе и быть не может! Что бы случилось, будь мы способны по-настоящему заглянуть в себя? Что может быть хуже ясного обзора всех триллионов нервных соединений? Учёные годами разглядывают фрагменты этих структур в мощные микроскопы, но так до сих пор и не преуспели в создании всесторонней теории того, что и как делают эти нейронные сети. Как сокрушительно было бы увидеть всю эту грандиозную сложность сразу!

Мистики утверждают, что есть и другие, лучшие способы рассмотреть сознание. Один из путей рекомендует натренировать разум останавливать обычный поток мыслей и затем попытаться (замерев неподвижно) увидеть и услышать тончайшие подробности мысленной жизни. Даст ли это лучшие или хотя бы иные результаты, нежели инструментальное исследование? Возможно – но это не решает фундаментальной проблемы понимания сложного предмета! Ведь если мы остановим привычные способы мышления, мы лишимся и всех частей сознания, уже обученных интерпретировать сложные феномены. В любом случае, даже если и удастся наблюдать сигналы, исходящие из обычно недоступных частей сознания, они вряд ли окажутся понятны сознательным системам, поскольку несут непривычно низкоуровневые подробности. Чтобы понять, почему так выходит, я снова вернусь к примеру о понимании таких простых вещей, как ходьба.

Представьте, что во время прогулки вы действительно увидите и услышите сигналы спинного и заднего мозга. Поймёте ли вы из них хоть что-нибудь? Возможно, но не с лёгкостью.

Подобный эксперимент легко провести при помощи устройств обратной связи, делающих эти сигналы по-настоящему видимыми и слышимыми; в результате действительно можно быстрее научиться новым приёмам, таким как лучшее владение повреждённой конечностью. Однако, как и прежде, это не даёт никакого осознанного понимания работы этих систем; вместо этого мы просто приобретаем новый опыт теми же путями, что и прежде: получаем в распоряжение новый набор магических символов. Вероятно, новая структура управления, связанная с известными нам поверхностными сигналами, формируется где-то в нервной системе. Но обратная биологическая связь не даёт никаких новых взглядов на процесс обучения, нежели наши обычные врождённые чувства. Учёные, изучающие процессы движения, уже десятилетиями перехватывают эти сигналы при помощи электронных инструментов. На их основе им удалось разработать различные частичные теории в отношении видов взаимодействия вовлечённых систем управления.

Однако эти теории возникли не из отрешённых медитаций или пассивного наблюдения за этими сложными биологическими сигналами; даже то немногое, что удалось узнать, основано на продуманном и глубоком использовании открытий, накопленных за три века научных и математических изысканий в аналитической механике и ещё век новейших теорий сервоуправления. В целом можно сказать, что в науке одно лишь внимательное наблюдение редко приводит к новым озарениям и пониманию. Для начала требуются хотя бы проблески формы новой теории или новый способ описания: новая *идея*, поскольку «причины» и «цели» наблюдаемых явлений сами по себе не наблюдаемы; для *их* представления нам требуется иной ментальный источник, чтобы сочинить новые магические символы.

Но откуда берутся нужные нам идеи? Любая отдельная личность, разумеется, извлекает большинство концепций из общества и культуры, в которых выросла. Что до остальных наших идей, тех, которые мы «берём» полностью самостоятельно, они тоже происходят из сообществ – но на этот раз из тех, что обретаются внутри наших личных сознаний. Ни человеческое сознание ни в коей мере не является единой сущностью, ни мозг не ограничивается единственным главным способом работы. Мозг не выделяет мысли так, как печень выделяет желчь; мозг состоит из громадного ансамбля подмашин, каждая из которых занимается своими специфическими задачами, каждая используется некоторыми другими.

Например, за распознавание звуков слов у нас отвечают одни

части мозга, а за восприятие остальных естественных звуков и музыкальных тонов – другие. Уже доказано, что специальная часть мозга выделена для видения и распознавания лиц, в отличие от прочих, обычных вещей. Я полагаю, что под нашим черепом собрано около сотни видов компьютеров, каждый со своей особенной архитектурой; они скопились там за четыреста миллионов лет нашей эволюции. Они объединены в великую сеть специалистов, каждый из которых умеет при необходимости обращаться к коллегам я решения соответствующих задач. Каждый из этих подмозгов использует свой собственный стиль программирования и свои форматы представления; там не существует единого универсального языка.

Соответственно, если одна часть этого Общества Разума захочет осведомиться о другой части, у неё вряд ли что-нибудь выйдет, настолько различны их языки и архитектуры. Как им понять друг друга, имея так мало общего? Общение затруднено даже между двумя разными человеческими наречиями, но сигналы различных частей мозга куда менее сходны, чем человеческие наречия, всё-таки связанные какими-то общими корнями. Скорей всего, они слишком различны, чтобы позволить вообще хоть какое-то общение – за исключением символов их использования.

Можно спросить: «Как же тогда общаются люди разных профессий, обладающие существенно разным опытом, мыслями и целями?» На это ответить легче, поскольку вся личность в целом знает куда больше, чем отдельные части её сознания. Поскольку все мы воспитаны сходным образом, общие знания обеспечивают прочную основу взаимопонимания. Но даже и так мы существенно переоцениваем эффективность общения. Множество человеческих специальностей только на первый взгляд выглядят различными, но все они сходятся в том, что основаны на одном и том же так называемом «здравом смысле» – то есть знаниях, общих для нас всех. Следовательно, нам не нужно объяснять друг другу настолько много, как мы думаем. Часто, «объясняя» что-нибудь, мы вовсе не объясняем ничего нового; вместо этого мы просто демонстрируем несколько примеров и несколько контрпримеров того, о чём идёт речь; это только указывает слушателю, как следует соединить уже известные ему структуры. Короче говоря, мы часто говорим «который именно» вместо «как».

Подумайте, насколько сложно бывает объяснить многие на первый взгляд простые вещи. Мы не можем рассказать, как удерживать равновесие на велосипеде, или отличать изображения от настоящих предметов, или даже как вспомнить что-нибудь. Можно возразить: «Нечестно ожидать, что мы сможем выразить

такие вещи словами. Ведь мы обучаемся им ещё до того, как начинаем говорить!» И хотя эта критика во многом справедлива, она также показывает, насколько сложно взаимопонимание частей мозга, которые вовсе никогда не говорят – а таких в нас абсолютное большинство.

Идея «смысла» зависит от размера и масштабов: спрашивать «что это означает» имеет смысл только в достаточно большой системе, в которой хватает места для многих значений. В слишком маленьких системах мысль о том, что что-то может что-нибудь означать, бессодержательна, как утверждение, будто кирпич – это такой очень маленький домик.

Легко сказать, что разум – это сообщество, но эта идея совершенно бесполезна, если мы не сможем уточнить, как это сообщество организовано. Если бы все специализированные части в равной степени претендовали на контроль, получилась бы полная анархия, и чем больше мы бы обучались, тем меньше могли бы сделать. Значит, там должно быть какое-то администрирование, вероятно в виде грубых иерархий, как отделы и подразделения на производстве или в политическом обществе.

Что могут делать эти уровни? В известных нам крупных сообществах нижние уровни заняты специализированными задачами, тогда как высшие уровни заняты стратегическими целями и долгосрочными планами. И это ещё одна фундаментальная причина того, почему так сложен перевод между сознательными и подсознательными мыслями! Термины и символы, которые мы используем на сознательном уровне, преимущественно выражают наши цели и планы по использованию наших возможностей – тогда как низкоуровневые ресурсы объясняются на незнакомых языках процессов и механизмов. Так что когда наше сознание пытается снизойти в мириады всё меньших и меньших подмашин, из которых состоит разум, оно сталкивается с чуждыми представлениями, служащими для всё более специализированных предназначений.

Проблема заключается в том, что крошечные внутренние «языки» быстро становятся непостижимыми, по причинам столь же простым, сколь и неизбежным. Это не знакомая нам сложность перевода между разными человеческими языками; сущность *этой* проблемы нам понятна: человеческие языки настолько широки и богаты, что трудно сузить значения сказанного в достаточной степени; мы называем это «неоднозначностью». Но когда мы пытаемся понять крошечные языки нижних уровней сознания, мы сталкиваемся с противоположной проблемой: чем меньше языки, тем перевод сложнее, потому что значений уже не слишком

много, а слишком мало. Чем уже области действия двух систем, тем менее вероятно, что действия одной соответствуют вообще хоть чему-нибудь из того, на что способна другая. А тогда никакой перевод невозможен. Почему это хуже, чем избыточная неоднозначность? Потому что даже когда проблема кажется безнадёжно сложной, надежда на решение всё равно остаётся. Но безнадёжно простая проблема исключает всякую надежду!

Теперь, наконец, вернёмся к вопросу о том, насколько симулированная жизнь во внутримашинном мире может напоминать нашу обычную реальную жизнь «там снаружи». Мой ответ, как вы теперь понимаете, остаётся прежним, поскольку мы сами уже и так существуем в виде процессов, запертых в машинах внутри машин. Наши ментальные миры уже полны поразительных, волшебных, символических образов, которые придают всему, что мы «видим», смысл и значение.

Образованные люди знают, насколько наш ментальный мир отличается от «реального мира», известного учёным. К примеру, взгляните на ваш обеденный стол; ваше сознание видит в нём знакомые функции, форму и предназначение: стол – это «вещь, на которую ставят другие вещи». Однако наука говорит, что это всё только наши мысли; «на самом деле» это только собрание бессчётных молекул; стол кажется хранящим неизменную форму только потому, что эти молекулы вынуждены вибрировать по соседству друг с другом, поскольку определённые свойства силовых полей не позволяют им разлететься в разные стороны. Аналогично, когда вы слышите произнесенное слово, ваш разум придаёт этому звуку смысл и значение, хотя в физике слово – это только колебания давления в вашем ухе, порождённые столкновениями мириадов молекул воздуха – то есть частиц, расстояния между которыми на сей раз не столь ограничены.

Так что – давайте смиримся с этим отныне и навсегда – каждый из нас давно уже испытал на себе, что значит быть симулированным на компьютере!

«Ерунда, – первым делом скажут большинство людей. – Я уж точно не чувствую себя машиной!»

Но почему мы так уверены в этом? Как можно что-то утверждать об ощущениях, которые мы не испытывали? Или вы машина, или нет. Если, как вы говорите, вы не машина, то откуда вам знать, каково быть машиной?

«Ладно, но будь я машиной, я бы как минимум знал об этом!»

Нет. Это только грандиозно наивное допущение, равносильное утверждению: «Я мыслю, следовательно я знаю, как работает мышление». Но, как мы обнаружили, между нашими

осознанными мыслями и производящей их механикой лежит столько слоёв, что это утверждение так же абсурдно, как и: «Я вожу машину, следовательно я знаю, как работают двигатели!»

«Однако, пусть даже мозг и является разновидностью компьютера, вы должны признать, что его масштабы невообразимо велики. Человеческий мозг насчитывает многие миллиарды нервных клеток – и, вероятно, каждая клетка тоже крайне сложна. Кроме того, каждая клетка сложным образом взаимосвязана с тысячами других. Вы можете называть это всё „машиной“, но наверняка никому не построить ничего столь грандиозного!»

Я всецело разделяю дух этого возражения. Сравнение с машиной унижает, как будто вас считают чем-то примитивным. Такое сравнение действительно оскорбительно – постольку, поскольку название «машина» всё ещё сохраняет значение, принятое в давно ушедшие времена. Тысячи лет мы обозначали этим словом образы блоков, рычагов, паровозов, пишущих машинок и тому подобных простых вещей; аналогично, в наши времена слово «компьютер» вызывает мысли о сложении и вычитании цифр и сохранении их в крошечной так называемой «памяти».

Однако для наших новых целей эти слова более не пригодны, они не подходят для описания машин, которые мыслят, как мы; устаревшие термины оказываются ложными именами для того, что мы хотим сказать. Так же, как «дом» может быть или б**о**льшим, или ничем б**о**льшим, чем просто дерево и камень, наши сознания могут быть описаны как всего лишь и в то же время значительно большее, чем просто машины.

Что же до масштабов, то эти возражения уже практически полностью устарели. Они были справедливы в 1950 году, когда ни один компьютер не оперировал и миллионом бит. Они всё ещё держались в 1960, когда миллион бит стоил миллион долларов. Но сегодня тот же самый объём памяти стоит не более сотни долларов (к тому же за это время наши правительства уменьшили и доллар) – и уже существуют компьютеры с миллиардами бит.

Нам недостаёт только знаний о том, как сделать эти машины разумными. Да, как вы могли уже догадаться, углублённые исследования в области искусственного интеллекта должны бы найти хорошие способы, как подсказывает фантазия Винджа, объединить структуры и функции при помощи символов. Когда, если вообще, это произойдёт? Никогда не говорите «никогда».

notes

Примечания

1

В 1965 году вступил в должность президент США Линдон Джонсон, Эдвард Хиггинс Уайт первым из американских астронавтов вышел в открытый космос, и была учреждена премия «Небьюла». Любопытно, о каком из событий писал Роджер Поллак? См. полный список событий *(прим. перев.)*.

2

Классическая игра Colossal Cave Adventure впервые появилась на PDP-10 в 1976-77 годах, после чего неоднократно переносилась на другие платформы и породила немало игровых жанров - см. подробности *(прим. перев.)*.

3

С момента написания повести и до середины XXI века Марс сближается с Юпитером в конце весны только дважды: 29 мая 2022 года и 22 мая 2038 года – см. таблицу *(прим. перев.)*.

4

Численность человечества достигла пяти миллиардов в 1987 году, шести миллиардов – в 1999, семь миллиардов ожидаются в 2012 – см. подробности *(прим. перев.)*.

5

Сеть ARPANET была запущена в октябре-ноябре 1969 года – см. подробности *(прим. перев.)*.

6

Все основные выборы в США проходят в начале ноября; президентские – раз в четыре года, сенатские – раз в два года, палаты представителей – ежегодно. Учитывая совмещение Марса с Юпитером [3], речь идёт не о выборах президента. См. подробности *(прим. перев.)*.

7

Anne Boleyn (произносится как «Анна Б**о**лин») – королева Англии с 1533 по 1536 гг., супруга короля Генри VIII. Казнена по приказу мужа. См. подробности *(прим. перев.)*.

8

Роберт Уолтерс (Robert Walters) родился в 1949 г. в Филадельфии.

Его иллюстрации украшали страницы таких НФ журналов, как «Analog» и «Isaac Asimov's SF Magazine. Также неоднократно иллюстрировал научные тексты и делал рекламную графику. Один из текущих активных проектов – иллюстрации динозавров. Живёт в Филадельфии, Пенсильвания.

См. подробности.

9

Марвин Мински (Marvin Minsky) родился 9 августа 1927 г. в Нью-Йорке.

Один из признанных отцов-основателей в области искусственного интеллекта, сооснователь Лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетсском технологическом институте. Лауреат многих премий и обладатель патентов. См. подробности.

В данном послесловии говорит не столько о произведении и его авторе, сколько о собственных мыслях на тему интеллекта, поэтому правильнее считать его не послесловием, а отдельным эссе *(прим. перев.)*.